

Е.С. Колмановская
С.А. Колмановский

АЙ, БАКУ, ДЖАН БАКУ!

УДК 82-312
ББК 84-7
К60

Колмановская Е.С., Колмановский С.А.
К60 Ай, Баку, джан Баку! – М.: Издательство
ИТРК, 2016. – 112 с.

ISBN 978-5-88010-399-7

Книга о Баку второй половины XX века, воспоминания о том городе, где мы жили, о том городе, которого больше нет.

Книга предназначена для бакинцев, для гостей города и для тех, кто просто ценит вкус жизни.

УДК 82-312
ББК 84-7

ISBN 978-5-88010-399-7

© Колмановская Е.С.,
Колмановский С.А., 2016

ЗАЧЕМ

Вопрос «зачем?» в Баку имеет широкий спектр, это не только «с какой целью» и «для чего», но и «почему», «по какой причине», «отчего», «к чему», и вообще выражает целую гамму чувств. Воспоминание из школьного детства. Учительница: «Гюндуз Мамедов, иди к доске!» Гюндуз (выходя к доске): «Зачем?» Учительница: «Решай задачу!» Гюндуз (глядя на доску стеклянными глазами): «Зачем?» Учительница: «Не можешь решить — двойка!» Гюндуз (протягивая дневник): «Зачем?» Учительница: «Садись на место!» Гюндуз (сидя за парту и уставившись на свежую пару в дневнике, почти экзистенциально, в пространство): «Зачем?»

Этот текст зачем? Чтобы рассказать о Городе, которого больше нет. Не потому, что это город моего детства, когда деревья были большие, а потому, что во времена, которые теперь принято называть «лихие девяностые», здесь случилось переселение народов. Многие уехали, опасаясь за будущее, а один народ был вынужден просто бежать от убийств и по-

громов. Я не хочу сказать, что один народ выжил другой, конечно, нет, убивали и громили подонки, а настоящие люди спасали и помогали уехать, и всё это при полном невмешательстве власти. А город стоит и сейчас, он красив, безопасен, вечером залит огнями, люди доброжелательны, а еда вкусна, строятся новые дома, музеи, больницы, прокладываются новые улицы. Но беженцы, которым иногда этот город снится по ночам, здесь до сих пор «персоны нон грата», они не могут не то чтобы вернуться, а просто приехать в гости. Того Города больше никогда не будет, как не будет древних Афин или Парижа времён Belle époque. И если никто из бакинцев, так любящих рассказывать байки, не изложит ощущения и воспоминания на бумаге, то и Город исчезнет вместе с его жителями... Это и есть главный «зачем».

Авторы хотят (то есть очень постарались) рассказать о Городе так, чтобы даже далёкие от Баку люди поняли, как это было. А бакинцы — чтобы вместе с ними смаковали воспоминания, улучшали их и дополняли.

Моё поколение, родившееся в середине 60-х, застало конец прекрасной эпохи. Наше воспоминание о Баку — это далеко не только наш личный опыт, но и рассказы наших родителей. Можно сказать и по-другому — жизнь наших уже взрослых родителей, которые и составляли тот Город, дала нам наш личный опыт. Поэтому в изложении темы вы услышите два голоса — моего папы и мой. Эти два голоса

отображены двумя разными шрифтами. Мой текст (тот шрифт, который вы видите сейчас), вьётся вокруг **БИОМПов** (**Бакинских Историй От Моего Папы** — это его шрифт). Подобные истории не публиковали ни в книгах, ни в средствах массовой информации, но их почему-то знал весь город. И, что ещё более важно, все одинаково понимали их смысл, подтекст, прелесть и мораль.

Петь, точнее рассказывать, мы будем, как в Баку, когда один начинает говорить, а другой «разукрашивает тост», перебивая и добавляя детали, без которых потеряются нюансы вкуса и аромата, да и просто будет не так красиво.

БИОМП Ну, вот пришёл и мой черёд. Я тот самый «Мой Папа» из **БИОМПа**. Известно, что народ творит свою историю. Общая история — один из решающих факторов, объединяющих отдельных индивидуумов в народ, в нацию. А «нацию бакинцев», как любили о себе говорить тысячи людей на протяжении десятков лет, во многом создали бакинские истории. Именно истории, во множественном числе. И эти истории, конечно, приукрашенные очередным рассказчиком, создавали сами же бакинцы. Так что спорный вопрос о приоритете между яйцом и курицей и тут остаётся открытым. Не было бы историй — не было бы бакинцев. А без бакинцев?! Какие уж там истории!

Когда я пишу «бакинцы», я имею в виду не только и не столько географическое понятие, а носителей

славного бакинского духа. Для бакинцев историиИ всегда главнее Истории с большой буквы. История — это глобальное движение народов, создание государств, пути великих открытий. ИсторииИ — это движение души, создание своего внутреннего мира и связь между сердцем и рассудком.

ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

*Где же вы, Бульвар и Шемахинка?
Где уютный садик Паранет?
Торговая, Базарная, Чадровая, Бондарная,
Кривая, Перевальная, Восьмая Завокзальная...
Времени того уж больше нет.*

Виталий Колмановский

Этот город, известный с V века, был одной из крепостей шаха Ширвана, а в XII веке стал столицей ханства. По итогам русско-персидской войны были заключены Гюлистанский (1813 г.), а затем Туркманчайский (1828 г.) договоры, по которым территория северного Азербайджана, включающая Баку, вошла в состав Российской империи. А в середине того же XIX века в Баку началась промышленная разработка нефти. Это радикально изменило жизнь города. Для добычи нефти и её переработки требовались технологии, и в Баку начали приезжать специалисты, русские и зарубежные. Требовалась рабочая сила: местных рабочих не хватало, в город съезжались люди отовсюду. Для новых рабочих надо было строить дома, открывать магазины — город рос. В 70-е годы XIX века в Баку появились отделе-

ния компаний Ротшильдов и Нобиля. Кстати, первый общедоступный парк в городе был разбит по указанию Нобиля (сейчас — парк Низами), рядом с домами его инженеров в Чёрном городе (стены домов в этом районе были чёрными от дыма нефтеперегонных заводов). С парка Нобиля началось озеленение города — до этого считалось, что на засушливой просоленной почве ничего расти не будет.

В начале XX века в Баку жили около 215 тысяч человек многих национальностей и вероисповеданий: из них русских, украинцев и белорусов — треть; азербайджанцев («кавказские татары» по тогдашней терминологии) — чуть больше 20%; армян — чуть меньше 20%; 12% персов; 4,5% евреев; 2% грузин; 1,5% немцев; около процента казанских татар. Разные племена и народы сначала жили рядом друг с другом, а потом вместе друг с другом. Вместе работали, дружили, отмечали праздники — так и получились бакинцы.

БИОМП Смешивались нравы и обычаи. Появлялись новые. Вот мой БИОМП, т.е. истории уже от Моего папы. Европейские женщины тщательно избегали загара, считая, что белая кожа подчёркивает их «превосходство». Но жила в Баку признанная красавица с блистательной фигурой. В 20-х годах XX века на первом конкурсе красоты в Тифлисе она получила приз за самые красивые ноги. Так вот, эта дама стала появляться на публике с рискованным декольте на спине и, главное, загоревшая

до шоколадного цвета. Общество ахнуло, и... мужчины упали к её ногам. После этого мода на загар распространилась с такой силой, что на Приморском бульваре специально построили купальни и солярий. Эта красавица потом стала мамой моего школьного друга и до глубокой старости сохранила шарм, лёгкую походку и стать.

Нефтяной бум способствовал переходу из феодализма в капитализм, обогатил тех, на чьей земле забил драгоценный фонтан, позволив многим беднякам стать капиталистами и заработать миллионы. Вот пара примеров.

Муса Нагиев был носильщиком. Во дворе его дома нашли нефть, он купил другие скважины, стал одним из самых богатых нефтепромышленников, а потом — застройщиком (как бы сейчас сказали, девелопером). На собственные деньги Нагиев построил и подарил городу первую публичную больницу и дворец «Исмайлля» для благотворительного мусульманского общества (сейчас там Президиум Академии наук Азербайджана).

Гаджи Зейналабдин Тагиев рос в бедной семье, работал подмастерьем каменщика, разбогател. Он остался в памяти людей не только как миллионер, но и как благотворитель и меценат. Жертвовал средства на мечети, больницы, школы — в том числе и на женскую русскую школу, посылал талантливую молодёжь на учёбу в города России и Европы. На его деньги учился Нариман Нариманов, впоследствии

азербайджанский писатель, большевик, председатель правительства Азербайджана в 1920 году. Поэтому Тагиев относительно спокойно пережил революцию (лишившись, разумеется, своего состояния, но не головы) и умер в 1924 году в возрасте 101 года в собственном доме на окраине Баку.

БИОМП Много было в Баку богатейших меценатов: Нагиев, Манташев, Мухтаров, Маилов... Всех не перечесать. До сих пор украшают город построенные ими дома, театры, школы. Имена их помнят, но говорят и говорили о Тагиеве. Именно с ним связаны истории, которые соответствуют бакинскому менталитету, а может быть, и сформировали этот менталитет. Вот несколько из них.

В начале XX века в Турции произошёл кошмар — погибли сотни тысяч армян. Волна национализма докатилась и до Баку. Вздурораженные люди, как теперь говорят — экстремисты, азербайджанцы и армяне, решили встретиться на окраине города, чтобы выяснить отношения (можно догадаться — о мирном урегулировании речь не шла). Тагиев услышал об этом во время прогулки. Он тут же повернул экипаж и помчался к месту встречи воинствующих националистов. К счастью, он успел. Две вооружённые чем попало толпы обменивались оскорблениями и проклятьями. Кидали камни, но ещё не вошли в непосредственное соприкосновение. И тут появился Тагиев. Он соскочил с коляски (а было ему далеко за 80!) и стал лупить без разбора тростью по головам и кри-

чать: «Бараньи головы! Что вы делаете! Вас обманывают! Разойдитесь!» Авторитет Тагиева был велик. Люди разошлись, обошлось без жертв. Ещё эпизод. Всё то же начало XX века. В Баку открылся оперный театр. Идёт спектакль. На сцене любовь, поцелуи, объятия. Бакинская публика ещё не привыкла к таким открытым проявлениям страсти. В зале начал нарастать нездоровый шум. И в своей ложе встал Тагиев: «Перестаньте шуметь! Вы мешаете мне слушать!» Зал замолк.

Не-бакинцам объясняю. И в первом, и во втором случае никто не испугался гнева миллионера. И не склонился пред золотым тельцом. И никому другому эти поступки не сошли бы с рук. Но Тагиев был «свой», «наш», «местный». Такой же, как драчуны или шумевшие зрители. (Кстати, возможно, это были одни и те же люди.) Все знали, что Тагиев одинаково уважительно общался и с представителями царствующего дома, и с жителями бакинских лачуг. Когда Тагиев на собственные средства построил первый в Баку водопровод, то честь повернуть кран и пустить воду он поделил не с губернатором и иже с ним, а со старым кузнецом, одним из строителей этого самого водопровода.

Нет, в обоих случаях не испугались Тагиева, а прислушались к нему. Прислушались и задумались. А задумавшись, одумались. А одумавшись, послушались. Именно в таком порядке. (Да и вообще, если хороший человек хочет что-то послушать, зачем ему надо мешать?!) К слову. Историю о театре я впервые услышал

в 50-е годы прошлого века от старого оперного суфлёра. И рассказчик закончил так: «Знаете, сейчас публика иногда так себя ведёт... Но что делать? Теперь Тагиева нету!» Я вспомнил эти слова, когда в конце XX века возник в Баку межнациональный конфликт: «Жаль, Тагиева нету!»

Не удержусь — ещё одна последняя история о Тагиеве. Эта история вообще последняя в его жизни. Жил в Баку учёный-дервиш — святой человек, с которым Тагиев часто общался. Когда дервиш скончался, на его могиле Тагиев установил памятник — настоящую итальянскую ротонду, лёгкую и изящную, наверное, единственную такую во всём Азербайджане. Специально пригласил архитектора из Италии. Через 15 лет ушёл из жизни и сам Тагиев. За это время произошла революция, всё имущество миллионера было национализировано, и бывший «владелец заводов, газет, пароходов» умер в нищете. Посмертных распоряжений по поводу имущества он не делал за отсутствием оного. И в завещании просил только одно — похоронить его в ногах того самого дервиша. И объяснил почему. «Много лет назад этот учёный человек предсказал мне, что я умру в бедности. Я тогда от души посмеялся. Но теперь я вижу, что у него в ногах было больше ума, чем у меня в голове». И вот уже почти сто лет лежат рядом нищий проповедник и обнищавший магнат.

В герое этих историй есть всё то, что есть в бакинцах, или то, что они хотят в себе видеть, а именно: не бояться иметь свою точку зрения; не зазнаваться;

не кичиться богатством; уметь признать свои ошибки и исправлять их, по-возможности красиво; признавать чужую правоту, чужое мнение, чужую мудрость.

Советская власть, объявив равенство народов и сильно потеснив религию, немало способствовала перемешиванию населения. Город продолжал расти. Несколько десятилетий Баку был главным источником чёрного золота. Вокруг индустрии вырос и большой культурный центр — научные и учебные институты, музеи и театры, парки и фонтаны.

Эта обстановка, этот сплав народов и культур, солнце и море, ну и, конечно, чай, о котором будет речь дальше, создали тот город, которого больше нет.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА МЕСТА

*В этом городе я и родился, и рос,
Здесь я радость изведal и вкус первых слёз,
И дыханье прибоя ко мне донеслось,
Породнилось навеки с дыханьем моим
И уже никогда не расстанется с ним.*

Николай Хатунцев

Для тех, кто не бывал в Баку, хочется немножко описать город, чтобы они могли представить декорации, в которых разворачиваются все бакинские истории.

Город Баку расположен на Апшеронском полуострове Каспийского моря. Бакинская бухта — полукруг. Если стоять лицом к морю, то бухта заканчивается справа Баиловским мысом, а слева — мысом Зых. Город поднимается от моря, как половинка чаши. Вдоль моря — набережная, главное место прогулок, она же парк, бакинский Бульвар — две террасы с деревьями, фонтанами, скамейками, павильонами и, конечно, с кафе, чайханами и ресторанами. На нижней террасе спуски к морю, яхт-клуб, причалы. В моём детстве бульвар был только в середине бухты, от площади Азнефти до Дома Сове-

тов, а сейчас он уже дошёл до Баилова и скоро дойдёт до Зыха. (Кстати, у всех бакинцев в какой-то момент случалось откровение, что в Москве, как, скажем, и в Париже, «бульвар» — это полоса зелёных насаждений *по середине* улицы.)

В центре города, сразу за бульваром, самая старая его часть — Крепость, то есть Ичери-Шехер (внутренний город). Несмотря на то, что много домов в Крепости снесли, там ещё остались лабиринты узеньких улочек с нависающими балконами, дворец Ширван-Шахов, караван-сарай, мечети, бани. В старых зданиях много ресторанчиков и магазинчиков с национальными, даже иногда антикварными товарами. Некоторые фрагменты бакинской Крепости видели все — в фильме «Бриллиантовая рука» именно там ломал руку Никулин, а Миронов произносил «руссо туристо облик морале». Кстати, «крепостной» в Баку обозначало не «крестьянин, принадлежащий помещику», а «житель Крепости».

На вершине горы над Баиловым был Нагорный парк (потом названный Парком культуры и отдыха имени Кирова, который в 1921 стал Первым секретарём ЦК компартии большевиков Азербайджана), с летним театром, фуникулером, аттракционами и рестораном «Дружба». На краю склона была смотровая площадка с прекрасным панорамным видом и огромный памятник Кирову, который буквально парил над городом. Сегодня этот парк стал кладбищем. В «Аллее Шахидов» похоронены жертвы ввода войск в Баку в январе 1990 года. На других аллеях

парка могилы воинов азербайджанской армии, павших в войне за Карабах. Памятник Кирову снесли, а у входа в парк построили мечеть.

Собственно старый город — это нижняя часть чаши, по ширине от Азнефти до Морвокзала (морского вокзала) и по высоте — до начала крутого подъема. В процессе нефтяного бума город далеко вышел за пределы Крепости. Новые миллионеры начали путешествовать, сначала в Москву и Петербург, потом в Европу. Возвращаясь в Баку, они заказывали архитекторам дома «с башенкой, как у этого парижского особняка, и с окнами, как у того венецианского палаццо». Так новый центр города оказался застроен большими красивыми зданиями из белого бакинского камня («кубика» или ракушечника), эклектичными, то есть европейскими, но с лёгким восточным акцентом.

БИОМП Бакинские миллионеры строили в городе дома, которые бакинцы с детства знали по именам их прошлых владельцев: Тагиевский дворец, Маиловская опера, дворец Мухтарова, Бабаевский дом и т.д. И с детства впадали в ошибку, считая, что Каспаровские дома принадлежали какому-то неведомому Каспарову, а на самом деле — КАСпийскому ПАРоходству.

Многие дома имеют свою историю. Есть в Баку в центре города огромное здание, которое известно как «дом Мирзабекянца». Чтобы построить этот дом, миллионер Мирзабекянц стал скупать окрестные

участки с домами, которые впоследствии снёс. И тут прочие богатые бакинцы заволновались. (Как же так?! У Мирзабекянца будет дом больше моего!) Посоветовались и приняли хитроумное решение. Они пригласили хозяина последнего ещё не проданного дома и предложили ему сумму бо́льшую, чем предлагал застройщик, но с условием, что хозяин откажется от продажи и дом оставит за собой. Тот, естественно, с радостью согласился. В результате дом Мирзабекянца всё равно очень большой, но всё же меньше, чем мог бы быть.

Украшением Баку является дворец Мухтарова в стиле венецианских палаццо. Да и возводили его итальянские рабочие (архитектор — бакинец Плошко). Это великолепное здание, построенное всего за год, Мухтаров подарил своей любимой жене Лизе. По первоначальному замыслу на крыше дома должен был располагаться шпиль с полумесяцем. Но напротив дома находился православный собор (снесли при советской власти), и полумесяц был бы выше креста. Так не полагалось. Однако никакие уговоры и увещания местных властей не могли убедить Мухтарова отказаться от задуманного. И тогда Николай II пригласил строптивого миллионера в Петербург, даже прислал за ним императорский поезд. Самодержец лично попросил вместо предполагаемого шпиля установить скульптуру рыцаря, которую сам и подарил Мухтарову. Боюсь, что легенда о Николае II не найдёт фактического подтверждения и вызовет усмешку у историков, но рыцарь на доме стоит до сих пор.

Интересна история создания Бакинского оперного театра. Он открылся в 1911 году постановкой оперы «Борис Годунов». Построили театр нефтепромышленники братья Маиловы: у них была веская причина. За пару лет до этого случилось им быть в Тифлисе, где выступала какая-то знаменитая оперная дива, чуть ли не Нежданова. На ужине в честь прославленной певицы Маиловы поинтересовались: «А почему Вы никогда не приезжаете в Баку?» «Так у вас и театра нет!» «А когда Вы могли бы к нам приехать?» Певица посмотрела своё расписание: «Через год и десять месяцев». «Договорились, — ответили Маиловы, — к этому времени будет театр!» Сказано — сделано. Бакинцы слов на ветер не бросают!

И ещё один штрих. Маиловы нашли подрядчика и заключили с ним договор, что тот построит здание театра за год и восемь месяцев. Однако подрядчик сдал объект на полгода раньше условленного срока. В связи с этим он подал иск и в течение шести месяцев получал половину от сбора за спектакли.

Как старый бакинец свидетельствую: театр очень красив и снаружи, и внутри. С прекрасной акустикой. Но в 80-х годах в театре был большой ремонт, за которым тут же последовал большой пожар. И снова ещё больший ремонт. Интерьер изменился. Исчезли многие детали. Злые языки утверждали, что внутренние двери, белые с золотом, и старинные бронзовые плафоны из лож театра теперь на дачах цеховских начальников, и даже называли фамилии. Не знаю! Слышал, что неквалифицированные ремонтники вы-

кинули огромное количество пустых бутылок, специально уложенных в своё время итальянскими мастерами под сценой для улучшения звучания. При этом, говорят, рабочие возмущались артистами-алкоголиками, которые пили на рабочем месте, а бутылки прятали. Я стал больше верить во всю эту историю после того, как уже в постсоветское время в Москве при ремонте Малого зала консерватории заменили стулья, чем сильно ухудшили его акустику. В общем понятно, что глупость — это не географическое понятие.

Мои бабушка с дедушкой, дядя и папа жили в середине старого города, на улице Мирзы Аги Алиева, в квартире из одной комнаты. А потом вся семья жила наверху, недалеко от парка Кирова. У нас «на горе» был большой двор со многими входами, образованный несколькими пятиэтажками, там росли развесистые тутовые деревья — так в Баку называли шелковицы (на них можно было залезать и объедаться ягодами, а потом быстро отмывать синие губы, чтобы родители не падали в обморок: «Как? Немытые?!»); стояли какие-то гаражи; можно было играть в футбол, догонялки или прятки, кататься на велосипедах и даже всё это одновременно.

Когда мы шли гулять «в город», то выходили на Южно-Советскую площадь (сейчас площадь Нариманова), где стоял (и стоит) памятник Нариманову. Оттуда город был виден, как на ладони: бухта, обрамлённая фонарями; улицы, спускающиеся к морю; парки; крыши домов; башенки и минареты. И можно

было показать пальцем, куда именно мы собираемся идти. Спускались вниз по лестнице или по крутым улочкам района Даглынка («даг» по-азербайджански «гора»). Это бедная часть города, где одно-двухэтажные домики с внутренними дворами лепились друг к другу, а на улицу выходили почти глухие стены с маленькими зарешёченными (по местному обычаю) окошками. Водопровод и канализация, как правило, во дворе. Хотя Баку интенсивно отстраивается последние лет десять, части этого райончика до сих пор остались. В советское время говорили, что там живет (или, по крайней мере, прописано) так много народу, что для расселения по современной норме потребуется слишком много новых домов. По Даглынке приятно спускаться пешком, а наверх забавно подниматься на машине — порой кажется, что подъём вертикален и ты лежишь на спинке сидения.

Хорошо помню, как, когда я была маленькой, по утрам мимо нашего дома гнали стадо баранов. Думаю, что их владельцы жили на Даглынке. А паслись бараны на задах Аллеи Почётного Захоронения (азербайджанский аналог Новодевичьего кладбища). Конечно, в центральный вход стадо не устремлялось, но за Аллеей был стадион, между ним и Аллеей росли кусты, от которых Аллея была отгорожена лишь дырявым забором-сеткой.

Вообще центр, или просто «город» — это было пространство очень человеческого размера, где до всего и до всех можно было дойти пешком, где почти

каждый дом вызывал у бакинца воспоминание: «Здесь жил мой дед, здесь — подруга моей мамы, здесь — учитель моего папы, в эту школу я ходил, в этом дворе играл в волейбол, здесь жила девушка двоюродного брата» и т.д. и т.п.

Бакинская бухта — это фон города. Вода в бухте была «грязной», расцвеченной переливами мазутных пятен. А купальни на бульваре убрали ещё в пятидесятые годы, и купаться ездили на городской пляж Шихово или в дачные пригороды — Мардакяны, Бильгя, Пиршаги.

БИОМП Апшеронские пляжи — это многокилометровая полоса мелкого золотистого песка, в который можно было зарыться, на котором так приятно было лежать и ходить. Но только не в разгар жаркого дня, когда песок раскалялся до такой степени, что обжигал ступни. И пронизанное солнцем море, которое в спокойный летний день чуть-чуть колыхалось до горизонта. По меткому выражению моего приятеля: «Как мацони!» (мацони — кислое молоко, сквашенное до густоты студня).

Иногда ветер пригонял к берегу чёрно-золотистую плёнку мазута, которая пугала отдыхающих, наверное, не менее, чем акулы — ловцов жемчуга. Во всяком случае, при виде мазута все торопились на берег. Оттирать мазутные пятна с тела — малоприятная процедура. Иногда это удавалось сделать только с помощью керосина.

Из мазутных воспоминаний. На бульваре был яхт-клуб, там занимались греблей и парусным спортом. И вот периодически шлюпки и шверботы поднимали из воды (ставили в «сухой док»), и вся команда осколками стёкол дружно соскребала мазутные наслоения с бортов и днищ. Невесёлый многочасовой труд. Но чистота и спорт — залог здоровья.

Слева, на мысе Зых, располагалось Каспийское высшее военно-морское Краснознамённое училище им. С.М. Кирова, а справа, на Баилове — военный порт (ККФ, Краснознамённый Каспийский флот), в середине на Бульваре — Морвокзал Каспийского пароходства. Но морская романтика не была присуща бакинцам. Может быть потому, что Каспий был почти что внутренним морем СССР. Конечно, южное побережье принадлежит Ирану, но с ним не существовало заметных торговых, культурных или туристических связей. Море имело прикладное значение — купаться летом и добывать нефть и рыбу круглый год. Почему-то даже не было принято катать девушек на лодках. Что ещё более удивительно, далеко не все бакинцы умели плавать. На пляже в основном загорали и вели беседы, стоя по колено в воде.

БИОМП Не в основном, но многие. Кстати, именно те, кто стоял по колено, и я в том числе, «сгорали» чаще других. Способ лечения в Баку был один — обожжённые плечи мазали мацони. Оно при-

тупляло боль, но всё равно два-три дня надеть рубашку было проблемой.

Каспийское море богато не только нефтью, но и рыбой. В моё время рыба непременно входила (вплывала) в рацион питания. Её было много, она была свежая, вкусная и недорогая. Килька, которую хозяйки мариновали впрок; сельдь, в том числе потрясающий каспийский залом; вобла, сазан, судак, берш (две последние считались идеальным сочетанием для фаршированной рыбы по-еврейски); кутум — вяленый, солёный, свежий (сказочно вкусен кутум, фаршированный по-азербайджански!); свежие миноги, специфический вкус которых вызывает или бурный восторг или не менее бурное неприятие. И, конечно, севрюга и осётр (в Баку говорили «осетрина»). Это была рыба высшего класса, не на каждый день. А во главе рыбной иерархии стоял каспийский лосось («лососина»). Можете записать меня в «ура-патриоты» и упрекнуть в «каспийском патриотизме», но я не ел рыбу вкуснее. Совершенно справедливо её называют в Баку «гызил-балыг» — «золотая рыба».

Была такая присказка о самовлюблённых людях: «Каждая вобла шепчет себе под нос, что она уже осетрина». Видимо, назвать себя «лососиной» «воблы» не осмеливались. Кстати, вобла, которая высоко ценится в России «под пиво» и водится только в Каспии, в Баку слабо котиновалась. Бакинцы предпочитали отварной подсоленный горох «нохут», который предприимчивые, обычно немолодые женщины продавали в газетных кулёчках тут же у пивных.

И ещё было много чёрной икры. Икра в магазинах стоила дорого, но её тоже ели много и часто. Дело в том, что браконьерскую рыбу и икру носили по домам. Просто стучали в дверь и предлагали. На моей памяти прошли денежные реформы, повышение цен, но браконьерский товар всегда стоил втрое дешевле, чем в магазине. Втрое — это если вы сидите дома и ждёте перекупщиков. Купить из первых рук было куда дешевле. Однажды, увлечённые этой идеей, мы с друзьями поехали в посёлок Артём-остров (ныне Пираллахи), где был рыболовецкий порт. У первого встречного спросили, где живёт Валя, у которой 10 детей (такую «наводку» дали нам знающие люди). «Первый встречный» указал нам направление. По дороге нам пришлось несколько раз корректировать маршрут, и мы убедились, что всем встречным был знаком этот адрес. У Вали действительно была рыба, и действительно дёшево. И действительно 10 детей. В том и была вся фишка. Браконьеры сбывали через неё улов. Торговля велась широко, и естественно, об этом знали правоохранительные органы. Её не раз привлекали. Но арестовать мать-героиню? 10 детей! Дальше штрафа не шло.

В Баку была развита «культура квартала», как это принято называть в Европе. Самые насущно-необходимые вещи продавались «на углу». О, этот завтрак, когда у тётушек покупаешь белый сыр, ещё горячий чурек и сочащиеся помидоры. (Я помню, как, переехав в Москву, где помидоры были в основ-

ном болгарские, впервые узнала, что эта ягода бывает, во-первых, жесткой, а, во-вторых, может иметь разные цвета — не только зелёный, но белый и даже фиолетовый.) Продавцы магазинов знали многих покупателей в лицо и по имени. И в каждом квартале обязательно была чайхана или ханушка (кафе), где местные аксакалы целый день пили чай.

БИОМП Слово «хана» — это совсем не то, что вы себе, возможно, представляете. В переводе с азербайджанского это означает «клетка» (на бумаге или материи), более широко — «место». Емек-хана — место для еды (столовая), чай-хана — чайная, диван-хана (опять не то, что вы, может быть, предположили, «диван» — это собрание высших вельмож шахского дворца), комната для совещаний, кебаб-хана — кебабная (шашлычная) и т.д. Ханушками ласково-уменьшительно называли маленькие заведения общественного питания с весьма убогим интерьером, но с очень вкусной и недорогой едой.

Немножко лингвистики. Вполне естественно в словарный запас «бакинского русского» вошли слова из азербайджанского языка: «салам» — «привет»; «лапяхши» — «очень хорошо»; «кепёк оглы» — «сукин сын»; «мэн олюм» — «я умираю» в смысле «очень тебя прошу»; «джан» — «душа», в смысле «душа моя», «дорогой» и т.д. Но и азербайджанский язык претерпел изменения под влиянием русского. В азербайджанском разговорном широко использовались русские суффиксы и окончания. Говорили «нэнэ-шк-а» вместо «нэнэ» — ба-

бушка; «халу-шк-а» вместо «хала» — тётя; скандальных дам называли «хаясызка», хотя в азербайджанском языке нет понятия рода, а есть общее для обоих полов слово «хаясыз» — «бесстыжий, бесстыжая».

Но вернёмся к нашим хану-шк-ам. Атмосфера в них была почти домашняя, вернее «свойская». Посуда самая простая, вино и водку подавали в гранёных стаканах, официанты были со всеми на «ты», заказ брали «на память», счет не приносили, а просто называли сумму. Если официанты и завышали счет, то в разумных пределах, по крайней мере я не помню, чтобы по этому поводу возникали споры. Люди ещё не слышали о «норме чаевых» в 10% и оставляли, как бог на душу положит, обычно не скупились. Периодически одна из ханушек становилась широко известна своей кухней. Меню при этом не менялось, но глас народа присваивал этому заведению, как теперь говорят, «мишленовские звезды». (Кто тогда слышал о Мишлене и его рейтинге! Звезды были только на коньяке и Кремлёвских башнях.) Бакинские гурманы ездили на ипподром поесть жаркое в горшочках (скачки волновали меньше) или «к Лялику» (это имя) на автовокзал отведать люля-кебаб. Автовокзал в то время находился на улице Дмитрова (улица Ш. Бадалбейли), недалеко от АзИ (Азербайджанский индустриальный, позже — Азербайджанский институт нефти и химии). Междугородное автобусное сообщение работало еле-еле. Не было никакого специального здания. Обшарпанные автобусы стояли прямо на улице, а в ближайшем большом дворе была касса

и диспетчерская. В этом же дворе и была кебабная, официально — буфет при автовокзале. Лялик придумал (?) добавлять в фарш для люля курдючный жир. Вкус был «специфический», пальчики оближешь! Конечно, можно было вытереть руки и салфеткой (аккуратно нарезанными квадратиками светлой бумаги). Правда, я никогда не понимал и не понимаю, если всё дело было в курдюке, почему этим «секретом» кулинарии не пользовались и в других аналогичных заведениях?! Одно время славилась «Босоножка» на Баилове — лёгкое, топорно-ажурное (оттуда и прозвание) деревянное строение. Всегда было шумно,людно и вкусно. Не знаю, почему вдруг в какой-то ханушке начинали готовить лучше, чем в других. То ли повар искусный, то ли просто добросовестный, а может быть, по спецдоговору получали (покупали сами?) свежее мясо. Скорее всего всё вместе. А прибыль появлялась за счёт наплыва клиентов, щедрых чаевых и «левых» закупок продуктов и алкоголя. Напомню, что цены в этих шашлычных были весьма демократичные и одинаковые. Дело в том, что стоимость блюд устанавливали гос.органы и расценки зависели от класса заведения: рабочая столовая, столовая, буфет, закусочная, пивбар и рестораны по категориям. Разница доходила до 50%, а на алкоголь и более.

Дольше всех на пике славы продержалась кебабная Мамеда Али в Крепости. В течение многих лет, пока был жив Мамед Али — шеф-повар и шеф заведения, там подавали изумительные шашлыки, люля, пити, хаш. Вы уже догадались, что раз есть хорошее

место, есть и какая-нибудь история. За подлинность не поручусь, но — как слышал... Жил в Крепости в большом красивом доме Мамед Али. Не знаю, с кем он договорился, но в подвале дома в самом конце 50-х открыли шашлычную, в которой он стал директором. Маленькое подвальное помещение без окон с плохо белёными стенами и несколькими колченогими пластиковыми столами. Но еда! В Баку слухи распространяются быстро, и туда, где вкусно, потянулись люди. Однажды утром в подвал зашли несколько солидных мужчин, поели хаш, расплатились и ушли. Через несколько минут один из них вернулся и сказал: «Знаешь, кто это был? Это Семичастный. (Второй секретарь ЦК Азербайджана, позже председатель КГБ СССР.) Ему понравилось. Он велел, чтобы тебе всё сделали!» И подвал преобразился в трёхкомнатное помещение с выложенным плиткой полом и облицованными стенами. Новые вполне приличные столы и стулья. Окна, конечно, не появились (подвал!), но и кухня не испортилась! Кстати, трёхкомнатная планировка меня однажды выручила. Я зашёл в кебабную со своей приятельницей, что, признаю, было не совсем уместно: забегаловка всё же мужское место. Но я уже не впервые «храбро» нарушал негласный кодекс поведения и всегда без эксцессов. Однако на этот раз в разгар трапезы ко мне подошёл официант: «Извините, но сейчас одна компания придёт... беспокойная. Давайте я вас в другой зал переведу!» Я благоразумно согласился. С тех пор я без большой компании друзей мужского пола с дамами туда не ходил. Боялся, что не все официанты такие предусмотрительные.

А ещё сильнее была развита «культура двора». Жители одного двора не просто знали друг друга, не только по очереди забирали детей из школы или их выгуливали, но и занимали друг другу очереди, делились дефицитом и даже заодно голосовали на выборах за соседей (никого это не смущало, ведь голосовали все только «за»). Ещё одним постоянным поводом взаимодействия соседей был водопровод. Воду давали с перебоями, иногда по расписанию, иногда внезапно, и тогда люди кричали друг другу: «Воду дали!» Часто случалось так, что «вода есть, напора нет», то есть вода шла самотёком, без давления, и не поднималась выше первого этажа. Поскольку людям надо было жить всегда, а не по расписанию, в ваннных делали баки, в которых запасали воду. Ни о каких датчиках тогда не слышали, за уровнем воды надо было следить глазами, поэтому баки часто переливались, с вытекающими на нижних соседей последствиями. Нижние соседи в свою очередь врезали в трубу кран и, как только сверху начинало течь, перекрывали воду от себя вверх. И к верхним соседям в первую очередь прибегали не нижние, а те, кто жил ещё выше и оставался без воды.

В старом городе дворы был внутри домов, входить туда надо было через подворотню, где часто стояли мусорные ящики. По внутреннему периметру двор окружали застеклённые балконы-террасы, на которые поднимались по внешним лестницам. Этот интерьер знаком жителям России больше по фильмам про Одессу.

В Баку про комнату, у которой окна выходили не на улицу, а на террасу или застеклённую галерею, говорили: «со вторым светом». Внутренний двор уже был частью дома. На террасах и между ними висело сохнувшее белье, хозяйки готовили обед, непринуждённо переговариваясь с этажа на этаж, солидные мужчины играли в нарды, а на асфальтовом пятачке неправильной формы дети кидали мячик, и тут же вертелись у них под ногами малыши на трёхколесных велосипедах. В таких дворах все знали друг про друга всё и часто делились всем и в материальном, и в духовном смысле.

КРАСКИ, ЗАПАХИ И ВКУСЫ

*Кто в Баку ни разу не был
Не поймёт, держу пари,
Что для нас насущней хлеба
Чай, который мэхмэри.*

Николай Хатунцев

Краски города — синее небо, синее море, золотое солнце, потемневший от времени белый камень. Синее и золотое — цвета герба Баку, принятого в 2001 году: на синем поле три золотых факела и три волнообразные горизонтальные полосы жёлтого цвета. Ещё зороастрийцы поклонялись «вечным огням» — факелам, самопроизвольно возникающим в местах выхода естественного газа. Памятник этим временам — храмовый комплекс Атешгях в пригороде Баку.

Город был прокалён солнцем и продут ветром. Бакинский норд (ветер с севера, то есть в сторону моря) задувал на несколько дней, и дул настолько сильно, что на нём можно было полулежать. Моряна, ветер с моря, был влажным, душным, и приносил к берегу мазут и морскую живность.

Главным напитком города был и остаётся чай. Чай пьют всегда, везде и по любому случаю, на свадьбе

и на поминках. Зашедшему в дом человеку сразу предлагают чай. В течение всего дня чай можно выпить на улице, в чайхане.

БИОМП В моё время женщины в чайхану не ходили. Не существовало никакого запрета, но как-то было не принято. Помню, в конце 60-х моя жена-москвичка (дело происходило в бакинском НИИ) обмолвилась, что ей очень нравится чай в чайхане. Сослуживица тут же отреагировала: «Эммаханум, зачем Вы на себя наговариваете! Вы же не такая женщина, чтобы в чайхану ходить!»

Чайхана могла быть небольшим павильоном, или подвалом, или просто столами и стульями, расставленными под деревьями, работала она с утра до вечера. И с утра до вечера за столиками сидели мужчины и неторопливо пили чай из армудов — небольших грушевидных стаканчиков, которые ловкие чайчи (официанты) умели носить на одной руке по два в ряд и в два или даже в три этажа. Ассортимент — чай и кусковой сахар. Всё, что нужно для счастья! И сегодня в Баку чай повсюду — даже если на заведении написано «Французская кухня» или «Пицца», чай вам дадут — настоящий, заваренный.

БИОМП Чай в Баку — это отдельная песня. Увы, не знаком с чайной культурой Китая или Индии, но в Баку чай — точно национальный вид спорта. Самого массового, так как он не требует ни особых

усилий, ни специальной подготовки и не предусматривает ограничений по возрасту. Каждый считает себя большим специалистом, не столько как дегустатор, а как знаток единственного правильного способа заварки. Бакинцы могут долго обсуждать тонкости этого процесса. Основы общие: сыпьте больше чая и чай выбирайте хороший. А вот чтобы напиток получился настоящий, «мехмери» (бархатный), надо постараться. Не буду перечислять всех вариантов заварки. Всё-таки это не поваренная книга. Но чай в пакетиках туда точно не входит! (Меня всегда поражают бакинцы, которые, переехав в Штаты или Германию, вдруг начинают заваривать чай «пакетным» способом.) В любом случае чай должен быть по бакинскому определению как поцелуй красавицы: крепкий, сладкий и горячий. Чай пьют неторопливо, беседа на разные темы. Но кто-нибудь обязательно вспомнит, как он пил чай на даче под Баку..., а там вода из колодца и такой(!) чай. И окружающие понимающе закивают головами.

Любители чая не менее, а может быть и более, чем индийский или цейлонский, ценили азербайджанский чай. Пачки «Экстра» шли на ура, а «Букет Азербайджана» был в большом дефиците. Чай и правда был превосходным. Помню, загорелась Бакинская чаеразвесочная фабрика. Пожарные, брандспойты — пожар успешно потушили. Но на прилегающих улицах ещё несколько дней чувствовалось благоухание свежей заварки.

А лучший чай был тот, который иногда продавали «с рук», то есть просто краденый. Его продавали

«в россыпь», на вес, и, конечно, без всяких этикеток. Продавцы называли его «райкомовский», намекая, что это лучшие листики чайного куста, достойные высшего партийного руководства.

Профессия чаевода была в почёте. О чайных специалистах — теинологгах — слагали не меньше легенд, чем во Франции о дегустаторах вина. Приехали как-то чаеведы разных стран в Китай. Их угостили самым изысканным чаем. Конечно, знатоки моментально определили и сорт чая, и год урожая, и время сбора чайного листа, и способ обработки, и т.д. А один старый чаевед из Азербайджана сказал, что он чувствует металлический привкус. Решили проверить. И что вы думаете? Оказалось, что сборщики чая снимают самые верхние, самые маленькие и самые ароматные листики металлическими спицами. С тех пор в Китае пользуются только заострёнными щепками.

Способность бакинцев пить чай в любое время суток, по любому поводу и без него и в любую жару поражает воображение приезжих. Как-то в Баку было высокое московское начальство. Проехав по городу, москвичи возмутились: «Что это у вас в рабочее время пьют коньяк, да ещё стаканами?» Им ответили: «Это не коньяк, а чай». Приезжие не поверили: «Здоровые мужики?! Чай?!» Им предложили проверить, то есть самим выбрать точки чаепития. Они убедились в полной безалкогольности процесса и были совершенно потрясены.

Надо ещё сказать, что в Баку на улице трудно было встретить пьяного. Напиться так, чтобы себя не кон-

тролировать, считалось позором, неприличным, не мужским поступком. Хотя в Баку любят и умеют пить. Застолья бывают часто. Но люди знают меру и оценивают свои возможности. Никто в Баку не считает (не считал?), что если дать ребёнку пригубить вина, то из него вырастет алкоголик. И практика подтвердила: и пригубляли, и не спились.

У города был запах — нагретый асфальт, море и нефть. Когда я прилетала, то чувствовала его сразу как только выходила из здания аэродрома. Вдоль дороги к городу стояли нефтяные станки-качалки, каждый — в луже жидкости с радужными плёнками. Сейчас старые станки убрали, на дорогах хороший асфальт. Запах нефти чувствуется только после шторма — когда к берегу прибывает водоросли и мазутные пятна.

А как пахли бакинские базары! Живой зеленью — в первую очередь кинзой и восточными пряностями, свежим чуреком и спелыми фруктами. Это даже трудно представить всем, кто сегодня привык к химическим парфюмерным запахам или к стерилизованному воздуху. Уже в XXI веке мы в Баку зашли в супермаркет, бывший Центральный гастроном в торговом пассаже на Ольгинской (теперь улица Мамед-Эмина Расулзаде). В этом большом, украшенном мозаикой магазине продукты чинно разложены по полкам, отечественные и привозные, в общем, стандартный европейский супермаркет. Мы бродили между стеллажей, и вдруг меня окутал

запах свежей кинзы. И, о чудо, даже в этом царстве стеклянных банок и пластиковых упаковок зелень продают по старинке, «по-базарному» — пучки лежат на марле, и сверху тоже марля, на которую время от времени брызгают водой из пульверизатора.

БИОМП Что такое восточный базар знают все. Или по личному опыту, или по многочисленным описаниям в литературе. Живой, шумный, пышный, яркий. В этом отношении бакинские рынки ничем не отличаются от других — горы фруктов и овощей всех цветов радуги, включая полутона; целые снопы свежей зелени; кричащие продавцы (рекламируют товар) и торгующиеся покупатели. Продавца и покупателя объединяет полная противоположность намерений — один хочет купить, другой — продать — и общее удовольствие от процесса торга. Торгуются азартно и с выдумкой. Громко и весело.

«Арбуз! Арбуз на разрез! Половина — мёд, половина — сахар», — предлагает продавец, держа на ноже только что вырезанный клинообразный сладкий ломоть. «Разве это красный?!» — возмущается женщина. «А какой?» — справедливо удивляется продавец. «Красный — вот!» — и женщина показывает на свои пунцовые от лака ногти. Сражённый этим доводом продавец снижает, а покупательница с победным видом переходит к следующему прилавку.

Слышен крик: «Сало! Покупай! Бакинское сало!» Люди улыбаются. По понятным причинам (мусуль-

мане) в Азербайджане не развито свиноводство. И «бакинским салом» хитроумные продавцы называют редьку, которая в Баку абсолютно белого цвета. (Нарезать её тонкими ломтиками, слегка полить постным маслом, чуть присолить и ... рекомендую!) На базаре никогда не обвешивают (не обвешивали!), в отличие от магазинов. А вот за качеством купленного надо следить. «Мне два кило винограда», — говорит покупатель и быстро кладёт на весы приглянувшуюся ему кисть. И тут же продавец начинает накладывать виноград, не такой крупный и не такой аппетитный. Вот где понадобятся сноровка и острый глаз. Надо быстро положить своё и успеть разглядеть и вернуть продавцу то, что не отвечает вашему высокому вкусу. Такое увлекательное соревнование, без обид и с несколько театрализованными выражениями чувств. А можно и по-другому. Просто говоришь: «Мне полтора кило помидор. Положи хорошие». И тут в продавце совесть начинает бороться с личным интересом. Понятно, продавец сам себе не враг, но... человек попросил, тебе поверил... Отборных экземпляров он, конечно, не положит, но также не подкинет ни зеленых, ни мятых, ни мелких. Говоришь ему «спасибо», расплачиваешься, и тут он протягивает красавец-помидор: «А! Это тоже возьми!» Такое бывает (бывало?) не всегда, но достаточно часто. И в любом случае, состоялась купля-продажа или нет, продавец и покупатель расставались, довольные друг другом. Люди уходили с базара с полными корзинками и удовлетворёнными улыбками.

На базаре продавали вино в разлив. Вино очень лёгкое, приятное и... дешёвое. Привозили его из сельских местностей (в Баку говорят «из района»). Можно было пробовать и выбирать по вкусу. Если покупатель был особенно требователен, то продавец говорил: «Хорошо! Сейчас я тебе прокурорское вино дам!» Это был уже высший класс. Понятно, «сам прокурор» пить барахло не станет.

Вспомнилось. Было мне лет 20 (это очень давно). Обращаюсь к продавцу цветов: «Мне хорошие цветы дай. Иду к девушке. Видишь, я сам некрасивый, пусть хоть цветы будут красивые, а то она меня вообще не пустит». Цветочник внимательно меня осматривает и говорит без тени улыбки: «Зачем цветы? Иди зелень купи, два пучка кинза, кир-салат (так в Баку называли кресс-салат), это хватит. Лицо закрой — она тебя пустит». И только тут широко заулыбался. Кстати, его советом я вскоре воспользовался. Вернее, идеей. Понёс на день рождения в январе огромный букет из зелени, а она в Баку яркая, пышная, всех цветов и оттенков, да ещё разная фактура и дивный аромат, и был принят весьма благосклонно...

Да, про восточный базар написано много. И писатели-классики, и путешественники-мемуаристы оставили нам замечательные картинки этого чуда. Но лучшее и самое удачное определение я услышал от мамы моих друзей-двойняшек, замечательной, доброй, весёлой и красивой женщины, одной из первых азербайджанок, получивших высшее инженерное образование, Ханум Мухаммедовны. Два года она со всей

семьёй прожила в Москве. Много и с удовольствием рассказывала о московской жизни, но была рада вернуться домой. «Понимаешь, — говорила она мне 16-летнему, — в Москве все-таки что-то не то. Вот в Баку приходишь на базар — БАЗАР СМЕЁТСЯ НА ТЕБЯ!» Понимаю, что это выражение не соотносится с правилами русской грамматики. Но! Точнее и выразительнее не скажешь!

И за что я лично люблю торговцев бакинских базаров. Многие бакинцы, и я среди них, часто ездили в Москву, Ленинград (ещё не Питер), другие города. У всех там были друзья-знакомые. Все везли в подарок фрукты-овощи. И, поверьте, много лет всегда и на всех базарах происходило одно и то же. Говоришь продавцу: «Мне в Москву надо 10 кг помидоров, винограда, абрикосов, черешни, молодой картошки (нужное подчеркнуть)». «Самолёт или поезд?» — интересовался продавец. А дальше уже были его заботы, он тщательно подбирал плоды и аккуратно укладывал в ящик, чтобы они сохранили «товарный вид» за время перевозки. И всё доходило до места назначения в лучшем виде. Продавцов беспокоило, чтобы ты, бакинец (!), не опозорился перед москвичами, или кто-нибудь, не приведи Аллах, подумал, что в Баку не лучшие в мире фрукты, овощи, зелень (нужное зачеркнуть).

Чтоб не грешить против истины, дополню нарисованную мной почти идиллическую картину взаимоотношений между торгующимися сторонами. Если покупатель был излишне «привередлив»: требовал сдачу

или только отборный товар, долго торговался или обвинял продавца в антисанитарии (и было за что!), то «справедливо» разгневанный торговец заявлял: «Всё! Тебе вообще не продаю. Иди! Иди куда хочешь!» Под этим «куда хочешь» подразумевался не только всем известный адрес, но и все надзорные органы. Это «не продаю» звучало не только на базарах, но иногда и в магазинах, где продавцов особенно возмущало требование точного веса. Правда, в магазине можно было ещё вызвать директора или потребовать жалобную книгу, а на рынке после этого заявления дальнейший торг был неуместен.

Ещё в Баку было очень много цветочных магазинов. В центре города — обычно в подвалах. По дороге в гости всегда можно было купить цветы. В основном продавали гвоздики, красные и белые. А ещё были завораживающие моё детское воображение голубоватые с синими прожилками. «Выведены» они были не селекционерами, а предприимчивыми цветочниками — в воду, в которой стояли белые цветы, просто добавлялись чернила. Дома эти голубые гвоздики постепенно снова становились белыми, а вода — синей.

БИОМП Не могу промолчать, когда вспоминают цветочные магазины. Они действительно были в подвалах. Там сыро, прохладно, и цветы лучше сохраняются. Я начал покупать цветы — маме, тётям, сёстрам и знакомым девочкам — уже в школьном воз-

расте, где-то в начале 50-х годов прошлого века. Застал ещё дядю Сашу, юриста по образованию, слепого на один глаз, очень пожилого человека, который во времена молодости моих родителей открыл первый в Баку цветочный магазин. Ещё долгое время все бакинские цветочники были его учениками и учениками его учеников. Относились они к дяде Саше с глубоким уважением. Унаследовали от него любовь к цветам, стремление к красоте, умение делать венки и корзины (до сих пор помню корзину цветов в виде лиры, которую более полувека назад поклонницы преподнесли бакинскому тенору Цекиновскому) и дружеское (не фамильярное!) общение с клиентами. Торговля цветами была и заработком, и увлекательным занятием. И предметом гордости!

Немножко из личного общения. Был очень тяжёлый день. День похорон моей мамы. Я заехал за венком, заказанным накануне. «Извини, — сказали мне, — венок получился дороже, чем договаривались». «Да всё равно! Хорошо получилось?» «Хорошо! Как для своей мамы старались!» Ни на минуту не усомнился в их искренности. И никто из бакинцев не усомнится. А венок действительно был очень красивый.

Вторая история гораздо веселее. В очередной раз, приехав из Москвы в Баку, я зашел в знакомый цветочный магазин. А там пир: хлеб, зелень, сыр, бутылка вина. Мне обрадовались, налили стакан и говорят: «У нас праздник». Поздравил, выпили, выскочил в соседний магазин, вернулся с двумя бутылками. Как полагается в Баку: «от нашего стола вашему столу».

Ещё раз поздравил, и только потом спросил: «За что пьём?» Отвечают: «Нас в кино показывали». Что? Как? — объясняют. В Баку приезжала делегация молодёжи из Кубы. И вот, в киножурнале «Новости дня», который показывали перед каждым сеансом, был сюжет: встреча кубинской и бакинской молодёжи. От ЦК комсомола Азербайджана гостям преподнесли корзину цветов. Догадались? Да-да, именно эту корзину оформляли мои знакомые. Они смотрели этот выпуск журнала по несколько раз. И каждый раз с удовольствием. Смешно? — Может быть... Но я искренне порадовался вместе с ними.

БАКИНЦЫ

*Невесёлые мысли откиньте
На чужбине и в дальнем пути!
Потому что бакинец бакинца
Где угодно сумеет найти.
Меж чужого прохожего люда
Улыбнётся земляк земляку:
«Посидим-ка, дружок, за армудом
И припомним родной наш Баку».*

Александр Городницкий

Когда я была маленькой, в Баку жили азербайджанцы, армяне, русские, евреи, грузины, украинцы, таты, лезгины, татары, белорусы, немцы... да кто только там не жил! Но это было неважно, а важно — что мы из одного двора, с одной улицы, из одной школы. Когда мы пришли в первый класс, учительница, заполняя какую-то бумагу, сказала «азербайджанцы, встаньте» — и посчитала «по головам», потом — «русские, встаньте» и т.д. Когда она дошла до «евреи, встаньте» встали я, мой двоюродный брат Лёня, ещё несколько ребят и наша соседка и подруга Инна Акопова. Учительница с удивлением спросила: «Инночка, а ты разве не армянка?» На что Инна ответила: «Я не знаю, кто я, но я хочу как Лена и Лёня».

БИОМП Говорить о межнациональных отношениях в Баку мне и, думаю, не только мне сложно.

Сложно, поскольку эти отношения были во многом вненациональные. Как-то люди женились, родились, дружили, ссорились, дрались и целовались по другому принципу. Кухня — да, она была национальной: азербайджанский плов, армянская кята, грузинское лобio, еврейская фаршированная рыба, русские куличи. Хотя всё это готовили «дети разных народов».

Я рос в Баку в послевоенное, не очень спокойное время, а в 1953 году ещё по амнистии выпустили мелких уголовников, так что хулиганствующих элементов в городе хватало. И у подростков были свои уличные законы. Так вот, за два оскорбления кодекс чести требовал незамедлительного физического реагирования: раз — если задела твою мать, два — если оскорбили национальность. Даже друзья оскорбителя не становились на его сторону, а при случае могли и сами дать «этому идиоту» по шапке. А как же иначе? Такие отношения сложились где-то перед войной и процветали по меньшей мере до начала семидесятых.

Нет, конечно, мы отчётливо представляли, кто какой национальности. Но для бакинцев это не имело принципиального значения. А ещё — как определить национальность людей, которые уже в трёх коленах происходили от смешанных браков? Вот у меня есть друг. Мама у него наполовину азербайджанка, наполовину кумычка. Отец еврей. Жена друга — азербайджанка. Жена их сына наполовину корейка, наполовину русская. Вопрос — кто их внуки?

Чтобы зря не ломать голову, советую всем жить по старым бакинским традициям: в мире есть две нации — хорошие люди и плохие. И всё!

Было принято заходить друг к другу в гости, даже без предупреждения, чему немало способствовали размер города и культура чая. После работы люди возвращались домой поесть и отдохнуть, а потом был свободный вечер. Можно было пойти в театр, или гулять на бульваре, или зайти к приятелю. Такой визит не был обременительным — во-первых, общение с людьми стояло высоко в шкале ценностей, а во-вторых, гостей достаточно было принимать чаем, поскольку за десять минут дороги они не успевали проголодаться. Что, конечно, не отменяло званные застолья, когда столы ломились от яств.

БИОМП В гости ходили постоянно. Восток, как известно, дело не только тонкое, но и гостеприимное. Знакомые, а часто и незнакомые люди будут настойчиво приглашать вас в гости! Такое поведение уже ритуал, что нашло отражение в фольклоре о Молле Насреддине. На всякий случай напомним, о чём идёт речь. Молла стоял на пороге своего дома и пригласил проезжавшего мимо всадника зайти отдохнуть. Путник тут же спешил и спросил куда привязать лошадь. «Привяжи к моему слишком длинному языку!» — ответил смущённый Насреддин.

Впрочем, о восточном гостеприимстве в широком смысле я знаю не больше вашего. Поэтому просто

расскажу как это многотрудное и многославное дело происходит в Баку, где традиционное кавказское застолье слилось с русским хлебосольством. Так вот, у бакинцев языки не короче, чем у других. Но чаще всего гостей приглашают не из-за уважения к традициям, а вполне искренне. И не потому, что хозяин стремится продемонстрировать широту души или похвастаться своими кулинарными достижениями. Нет, это просто потребность в общении, желание сделать для вас что-то приятное, повод приготовить что-нибудь вкусное и, конечно, рассказать и выслушать пару-другую бакинских историй. В Баку есть такое замечательное выражение «открыть стол». Это не искажённое «накрыть стол», а совсем другое. Накрыть стол это положить скатерть, приборы, салфетки, расставить тарелки. А «открыть стол» означает позвать и угостить гостей.

Да, если вас пригласили, то вы вполне можете прихватить с собой своего двоюродного брата или просто приятеля, даже незнакомых с хозяином. И, можете быть уверены, нежданному гостю будут рады. В Баку гостеприимство также естественно, как морской прибой или бакинские ветры. Я никогда не слышал, чтобы в похвалу какому-нибудь бакинцу сказали «гостеприимный». Так же как не восхищаются человеком только за то, что у него два глаза.

Маленькая иллюстрация к сказанному. Недавно мы были в Париже на 80-летию давней приятельницы. Собралось человек сорок. Бакинские друзья слетелись с разных сторон: Штаты, Канада, Израиль,

Баку... Были, конечно, и парижане, с которыми наша юбилярша успела подружиться (25 лет живёт во Франции). Среди них — незнакомая нам доселе Светлана, в прошлом москвичка. За столом рассказали, что Светлана великолепно готовит: «все остальные хозяйки просто отдыхают». Мы сидели рядом, и я поднял тост за свою соседку. В числе прочего сказал: «...Вдобавок ко всему, говорят, что Вы изумительно готовите. К сожалению, не имел возможности в этом убедиться лично, но верю на слово». Светлана благодарно улыбнулась и... и всё! Мы понимающе переглянулись с несколькими бакинцами: «Не бакинка!» Каждая жительница Баку тут же пригласила бы в гости, посчитав это за намёк.

Кстати, отношение хозяин — гость не ограничивается домашними рамками. Если в ресторане сидят несколько человек, то каждый старается оплатить весь счёт. Чтобы опередить других, пускаются на различные ухищрения. Уже много лет и в Москве, где ныне живу, и в Нью-Йорке, и в Берлине, и т.д. я с успехом пользуюсь одной и той же уловкой — к концу застолья ловлю официанта в другом конце зала и расплачиваюсь. Но вот мы приехали в Баку, и наша добрая знакомая пригласила нас в ресторан. Мы радостно согласились, прекрасно провели время, но чтоб дама платила (!)... И я, «незаметно» отделившись от компании, довольный своим маневром, подхожу к официанту. Увы, годы, проведённые не в Баку, не прошли даром — я забыл, что у бакинцев все ходы просчитаны. «Извините, — улыбнулся официант, —

Тамила-ханум не велела у Вас ничего брать!» Когда я вернулся к столу, Тамила посмотрела на меня с пониманием и сочувствием. Я только сконфуженно развёл руками, признав своё поражение.

Люди постоянно общались — в домах, в очередях, в театрах. Да и просто гуляя по городу, человек часто встречал знакомых. Поэтому все новости разносились мгновенно — будь то гастроли, чей-то развод, смерть, рождение, переход на другую работу или новый анекдот.

Высокая плотность знакомых создавала проблемы для парочек. Ещё до всякого Facebook'а либо существовал официальный всем известный статус «он с ней встречается», либо приходилось прятаться. Разведка работала чётко. Когда я, уже в старших классах школы, приезжала в Баку и мы с двоюродным братом ходили гулять, за время нашей прогулки пара знакомых успевала позвонить моей тёте и сообщить, что «видели Лёню в городе с какой-то девочкой».

В Баку было такое выражение «я его по городу знаю». Это означало, что я с ним официально не знаком, но знаю о нём много, потому что учился вместе с его братом, или мои родственники жили с ним в одном дворе, или встречался с ним в пересекающихся компаниях на бульваре или в чайхане, на концерте или на футболе.

Вообще связей было много, и их поиск принципиально важен для всех бакинцев. Где бы они ни

встретились, если не были раньше знакомы, обязательно начнут выяснять, где жили, в какой школе учились, какая девичья фамилия мамы, не были ли родственниками тех и этих. А если были знакомы, то разговор обязательно дойдет до момента, когда один спросит другого что-нибудь вроде: «А помнишь, у тебя во дворе жила такая семья, мальчик был чуть старше нас, звали его то ли Джавад, то ли Джавид, и сестра у него ещё была маленькая, рыжая, вечно за ним таскалась — не знаешь, что с ним сейчас?» И второй будет тщательно перетряхивать свою память и подробно докладывать все эпизоды, которые сможет найти, если не про Джавида, то хотя бы про другого соседа.

А если бакинец рассказывает какую-то историю, пусть даже слушатели его — москвичи, французы или китайцы, и в этой истории фигурирует побочный персонаж, с одной репликой, фамилию которого он забыл... ну, история на этом прерывается, и бакинец начинает говорить что-то вроде: «Миша, ну как его фамилия, какая-то простая такая, он ещё в Крепости жил, над аптекой, господи, ну вот вылетело из головы, он потом ещё женился на этой, Вике, ну, которая в АЗИ училась, у неё брат был чемпион Азербайджана по стрельбе. Ну, Миша, там ещё на соседней улице жил Чингиз, троюродный брат Али, с которым я вместе учился, Чингиз с Мишей ещё всегда в волейбол играли, за 8-ю школу. Там ещё с ними в команде Марик был, который потом в Америку уехал. Ох, чёрт, никак вспомнить не могу. Лицо

хорошо помню, а фамилию — никак. Надо спросить Изю, он, кажется, с ним тоже вместе учился. Ну никак не могу вспомнить...» Слушатели под лавиной имён и явок давно потеряли нить рассказа, и либо терпят, сжав зубы, либо получают чистое удовольствие от неожиданного монолога, который продолжается до тех пор, пока бакинец не вспомнит-таки фамилию либо не решит-таки отложить воспоминания до разговора с Изей. После этого бакинец не принужденно подхватывает казалось бы оборванную нить истории и продолжает дальше: «И тут вот этот Миша говорит: кушать подано...» А те, кто, как я, ухмыляются во время подобных отступлений и не понимают, что почти недействующий в рассказе Миша из Крепости или, например, другой Миша — из Арменикенда — это две разные истории, увы, уже не бакинцы...

БИОМП Чистая правда, ни капли преувеличения! Возможно, эти детали не важны для слушателя и даже мешают ему воспринять глубокий смысл сказанного, но для рассказчика они абсолютно обязательны. Друзья мои, тем, кому не посчастливилось родиться в Баку, объясняю. (Смело называю всех потенциальных читателей этого нетленного опуса «друзьями». Не думаю, что это прочтет кто-нибудь, кроме дружеского круга. А если кто-нибудь из посторонних заинтересуется и добровольно дочитает до этого места, то в благодарность готов зачислить его в друзья, а если он будет возражать, хотя бы в то-

варищи. Между прочим, врождённая скромность, которую я только что продемонстрировал, — характерная бакинская черта.)

Дело в том, что бакинцы, как всем известный барон, рассказывают ТОЛЬКО правдивые истории. Во всяком случае, в этом убеждён рассказчик. И эти мелкие подробности — тот самый элемент подлинности, который сдерживает полёт фантазии автора, помогает ему своим всепроникающим внутренним взором ярче и, главное, точнее увидеть события прошлого. Особое значение имеет адрес персонажа. Дело в том, что в Баку исторически сложились районы проживания разных национальностей. Имею в виду не административное деление, а традиционное. Крепость и Даглынка — в массе азербайджанские. Завокзальный район и Арменикенд (в переводе с азербайджанского «армянская деревня») — армяне. На Баилове много русских. В центре жили все вперемешку. Известно, что в нашем представлении каждое национальное государство имеет собственный имидж: французы — гурманы, испанцы — гордецы, англичане хладнокровны, грузины шикарны и... до бесконечности. Вот и для бакинца житель определённого района соответствует определённому образу. Поэтому Миша с Баилова — полное имя Михаил — скорее всего крепкий русский парень, который учился в 203-й (хорошей!) школе, до глубокой осени ездит купаться на Шихово и занимается плаванием на ККФ (спортклуб Каспийской флотилии). Миша из Арменикенда (по паспорту Мишик), по умолчанию темпераментный армянин, слегка при-

блатнённый), учился в 47-й школе — многолетнем чемпионе городских школьных первенств по футболу. Сообщил, где человек жил, и каждый бакинец сразу представил себе типаж, его окружение, манеру поведения и лексикон. Тут, конечно, не без ошибок: штамп он и есть штамп. Но для того, чтобы не-бакинец увидел картину во всех деталях, почувствовал запах, краски, придётся рассказывать гораздо подробнее, при этом восторженные слушатели только выиграют (ещё раз бакинская скромность).

А теперь история. Обычный бакинский двор. В подворотне мусорные баки. Во дворе натянуты верёвки для белья. Посреди двора кран, под которым моют ковры. У стен деревянные ящики, «лари», в которых хранят банки с соленьями. Все соседи знают друг друга. Кто-то дружит, кто-то ссорится. Живет во дворе Марьям-тётя, старая женщина (не «тётя Марьям», такой порядок слов только для прямого обращения, а если в третьем лице, то всегда «Марьям-тётя», калька с азербайджанского «Марьям-хала»). У Марьям-тёти большое сердце и периодически бывают приступы. Порой ей кажется, что она умирает. И тогда соседи и днём, и ночью (ночью чаще) сбегаются на крик: «Всё! Всё! Уже ухожу!» Слава богу, всё кончается хорошо — Марьям-тётя остаётся с нами, а уходят по своим домам соседи. Это «ухожу» за несколько лет стало у знающих эту историю притчей во языцех. Расскажите это бакинцу и спросите, где этот двор? 50% ответят — в Завокзальном районе, а 50% более осторожных скажут — в Завокзальном или Арменикенде.

А вот сугубо крепостной сюжет. Начало истории вполне банально. Как принято писать в романах, в далёкие дореволюционные годы бакинский капитан дальнего плавания Али Аббас влюбился в красавицу кумычку Сакинат. Девушка не осталась равнодушной к чувствам бравого моряка. Была пышная свадьба, и началась счастливая семейная жизнь. И азербайджанцы, и кумыки — мусульмане, но на родине Сакинат в Дагестане женщины не носили чадру. А поселились молодые в Баку, в Крепости, для жителей которой чадра была естественным и необходимым атрибутом. Мусульманка с открытым лицом вызывала возмущение. Некоторые просто отворачивались и даже позволяли себе обидные слова, пользуясь тем, что Али Аббас часто бывал в плавании. Всё это продолжалось какое-то время. Из Петровска (теперь это — Махачкала) приехали навестить Сакинат её братья. Все вместе катались на фаэтоне по городу, а когда въезжали в крепостные ворота, какой-то гырмызысакал (рыжебородый) выкрикнул оскорбление в адрес молодой женщины. Побагровевшие от ярости братья соскочили с коляски, догнали обидчика и кинжалом отрезали ему бороду. И больше никто и никогда не позволял себе обидеть Сакинат. Поймите, никто не испугался двух вооружённых джигитов: кинжалы и крепкие руки были в каждом доме. Просто соседи осознали, что кумычка — не «бесстыжая девка без роду и племени», а из достойной семьи, где есть «намус», и что там, откуда она родом, другие нравы и обычаи. И она имеет полное право им следовать. Обратите внимание, как тонко поступили

её братья. Они публично унизили обидчика, но не дали повода для кровной мести.

«Намус» — это честь, совесть, благородство, достоинство, верность слову. Всё вместе и по отдельности. Точнее — моральный кодекс, основанный на этих ценностях. Намус один на всех и для всех. Женщинам намус предписывает целомудрие и скромное поведение. Мужчинам — действия по защите и поддержанию чести рода, семьи и, конечно, своей собственной. Намус не позволяет быть безответным и безответственным. А про человека, который совершал достойные поступки, в Баку говорили «киши кими» — «как мужчина». Кстати, не было выражения «как настоящий мужчина»: априори считали, что все мужчины настоящие. В противном случае говорили: «он — не мужчина». Совсем недавно, когда российскую паралимпийскую сборную отстранили от Игр и её квоту распределяли между другими странами, Азербайджан — киши кими — отказался взять свою долю. И это тоже намус.

Я уже полвека дружу с внуками «мамы Сакинат», так называли её мои друзья. И имел честь и счастье общаться с этой неординарной женщиной. Она полностью соответствовала нашему романтическому представлению о пожилых горянках — красивая, волевая, умная, добрая, величественная, всеми почитаемая. Надо было видеть, как она царственно взбивала диванные подушки, чтобы подложить их гостю. Помню её братьев. Конечно, я видел их уже не молодыми и не в черкессках с газырями — только в цивиль-

ном, но, когда в комнату входила женщина, они моментально... нет, не вставали! Их просто поднимало от стула. Для них это было также естественно, как глотнуть воздух или зажмуриться от солнца. А как они входили в дом! Как почтительно целовали сестру в плечо! Очень жаль, что моя дочь знает об этих людях только по рассказам.

А о специфике Даглынки замечательно написали Чингиз Гусейнов и оба брата Ибрагимбековы. Читайте и обрящете.

И ещё. В городе бывали столкновения. Крепостные выясняли отношения с арменикендскими, баиловские — с завокзальными, Даглынка с Крепостью. Но только так! В моё время никогда не случалось межнациональных разборок. Группы были спаяны по географическому, а не по этническому признаку. Равно как ни к моим родителям, ни к их друзьям; ни в мой дом, ни в дома моих друзей, когда мы подросли и обзавелись собственным жильём, — ни в один из перечисленных домов не ходили ни азербайджанцы, ни евреи, ни армяне, ни русские. А приходили Фатма и Павлик, Роза и Рубен, Тамара и Вагиф, Джуля и Изя. С ними хотелось общаться. У них были имена, характеры, привычки, взгляд на жизнь, ум, душа, профессия. И этого более чем хватало. Национальная принадлежность, к слову, и должность гостя как-то были не интересны.

Люди в Баку, кажется, никогда никуда не торопились. Когда я приезжала из Москвы на каникулы и мы с братом и его друзьями выходили гулять, они

всегда говорили «ара, куда ты несёшься?» Моя мама-москвичка говорит, что ей поначалу казалось, что бакинцы ходят так — занесут одну ногу и думают, куда её поставить, и стоит ли вообще этим заниматься.

Зато все точно знали, что сумма катетов больше гипотенузы — улицу, как правило, переходили именно по ней, чтобы не делать лишних движений и вообще не суетиться. Водители, машины и милиция относились к этому с пониманием. В нашей семье существует апокриф о том, как моя двоюродная сестра вместе с однокурсниками была оштрафована за неправильный переход улицы. Когда они пришли на лекцию и предъявили преподавателю квитанцию о штрафе в качестве уважительной причины опоздания, выяснилось, что деньги с них взяли за «перегон скота в неположенном месте». Кажется, больше случаев пешеходных штрафов не зафиксировано. Однако есть рассказы многих бакинцев, которые пытались в привычной им манере перейти улицу в Москве, скажем Садовое кольцо. Звучало это примерно так: «Я прошёл половину, пока машин не было, и встал. Стою. Машины одна за одной, пройти невозможно. Так я простоял минут пятнадцать. Потом пришёл милиционер, спасибо ему большое, оштрафовал меня на трёшку, но зато вывел на тротуар, а то я бы до сих пор там стоял!»

Москвичей и питерцев впечатляло умение бакинцев «ловить» городской транспорт. Когда по мановению руки троллейбус или автобус останавливался

между остановками, жителям Центральной России казалось, что сделать это мог только маг и волшебник или «большой человек». А на самом деле водитель делал это почти всегда, всем и бесплатно — не жалко для хороших людей.

Тут ещё стоит заметить, что кассы в общественном транспорте города так и не прижились. Сначала в трамваях, троллейбусах и автобусах были кондукторы, которые проходили из конца в конец салона, продавая билеты. Правила этикета были таковы — пассажир платил за себя и за всех своих знакомых, до которых кондуктор ещё не дошел, и кричал: «Мамед, Мила, я за вас уже заплатил». Естественно, если кондуктор доходил до знакомого раньше, чем до этого пассажира, всё срабатывало в обратную сторону. При оплате было принято сделать отрицательный жест рукой — мол, билетов не надо. Впрочем, если кондукторы и давали билеты, они старались отрывать их неровно, например, так, чтобы из двух билетов получалось как бы три. Бакинцев крайне удивляла московская привычка, когда каждый платил свои копейки только за себя. А позже, когда кондукторов убрали, бакинцы ввели принцип оплаты за результат — деньги платили водителю, но не при входе, а при выходе, то есть после доставки в нужную точку. В старых троллейбусах и автобусах чешского производства справа от водителя была часть то ли мотора, то ли колёсного привода, покрытая кожухом. Обычно монеты кидали на этот кожух. Оттуда же можно было взять себе сдачу, хотя

люди делали это довольно редко, разве что у них совсем не было мелочи и приходилось платить бумажкой. Билетов при этом никто не брал за их полной ненадобностью. В конце смены водитель по своему усмотрению уничтожал определённое количество билетов и спокойно клал часть выручки в карман. Скорее всего, делился с начальством.

БИОМП Вот история на тему пассажир — билеты — водитель, которая в середине 60-х наделала в Баку много шума. Секретарь ЦК партии по промышленности возвращался из гостей со своей женой и помощником. Погода была прекрасная, и они решили обойтись без машины. Немного прошлись, а потом сели в автобус. Протянули водителю деньги и попросили билет. Возмущенный «неадекватным» требованием водитель упрекнул пассажиров в скудости и усомнился в их умственных способностях. Секретарь ЦК повысил голос и стал настаивать. Тогда водитель оторвал от катушки с билетами длинную ленту и швырнул её в лицо секретарю ЦК: «Подавись своими билетами!» Управляющего городским транспортом города Баку сняли с работы на следующий день, а водителя на три месяца понизили — перевели на работу в депо. Но на традицию продажи билетов это, конечно, никак не повлияло.

Вообще в Баку не было принято мелочиться при получении сдачи — цены всегда округлялись до пяти, а скорее даже до десяти копеек. И бакинцев

опять же очень удивляла российская привычка требовать копейку — в Баку она рубль не берегла.

БИОМП Действительно, в Баку мало кого волновала сдача, но при этом бурно реагировали на «недовес». А обвешивали в магазинах почти тотально. И тут вспыхивали скандалы. Думаю, причина в уязвлённом самолюбии. Одно дело, когда ты добровольно оставляешь мелочь, проявляя великодушные и демонстрируя щедрость. Совсем другое, когда тебя считают «за фрайера» и хотят обмануть. Не позволим! Зато вполне приемлема была другая форма. Вы просите полсотни яиц (яйца — дефицит, и когда на них «нарываешься», то покупаешь про запас) и слышите в ответ: «Я тебе на одно меньше дам. Ты же понимаешь — мне тоже надо платить, чтоб товар дали». Все это понимали. Брали 49 яиц, платили за 50 и без споров уходили.

Итак, сдачу не считали; вес требовали правильный. А вот к качеству продуктов отношение было более сложное: все были недовольны, но не возмущались. Понимали, что продавец не виноват, хотя ходили разговоры о муке в сметане (для густоты), и о воде в твороге, и о том, что в коньяк (бутылки) при помощи шприца доливают чай. Все знали, что продукция местных мясо-молочных комбинатов и кондитерских фабрик невысокого качества. Если где-нибудь вдруг появлялись московские конфеты, то знакомые сообщали об этом друг другу, и люди через весь город спешили в указанный магазин.

Были и исключения. И, конечно, рассказ о них тоже вошел в бакинский эпос. Уже в брежневские времена в Кировабаде (Гяндже), втором по величине городе Азербайджана, закупили финскую линию по производству конфет. И вот на бакинских прилавках появились непривычно красочные коробки с замечательными конфетами «Чинар». Конфеты были настолько хороши, что их включили в «джентльменский набор» для подарков в Москву. Но финны смонтировали оборудование, за пару месяцев обучили персонал и уехали, а вскоре новая линия перестала работать. Вызвали наладчиков от производителя. Тут выяснилось, что финская автоматика рассчитана на строго дозированную норму определённых продуктов. И когда местные товарищи стали экономить с немалой пользой для себя, автомат заблокировал конвейер. Говорят, что директор фабрики объявил премию за переналадку линии. Нашлись умельцы, которые отключили контрольные устройства и внесли нужные изменения в технологический процесс. Конфеты «Чинар» опять появились в магазинах. Увы, на прежние они были похожи только внешним видом и названием. И ценой, конечно. (Один из примеров «рационализации» лежит буквально на поверхности. Конфеты стали посыпать не молотыми орехами, а толчёными виноградными косточками. А почему бы и нет — и по виду похоже, и на зубах хрустит. Ну о вкусах не спорят.)

Проводники привозили из Москвы творог и продавали его во дворах по двойной цене. Несмотря на двух-трёхдневный срок давности, его всё равно не

хватало для всех желающих и он всё равно был лучше бакинского свежего. Мои московские друзья часто и искренне удивлялись и даже подсмеивались над тем, что я каждый раз увожу из Москвы груды продуктов. И вот однажды я привёз в Москву бакинский продуктовый набор: колбасы, сыр, творог, конфеты. Названия, внешний вид и цена — полностью аналогичны московским. Но когда москвичи отведали эти деликатесы, они преисполнились сочувствия и сказали: «Почему ты раньше не объяснил, ты же редко приезжаешь, мы будем тебе присылать».

Но, как ни странно, характерные свойства бакинского пищевого прома могли вызвать и ностальгические чувства. В 1996 году состоялось наше «открытие Америки». Мы прилетели в Нью-Йорк к нашим старым бакинским друзьям, осевшим там на ПМЖ. В один из тёплых вечеров отправились на пресловутый Брайтон Бич. Как бывало в Баку, тут же встретили несколько бакинских знакомых. Прогуливаемся, вспоминаем родной город. И тут перед глазами привычная вывеска «Наргиз». «Да-да, — говорят мне туземцы, — эту кондитерскую наша бакинка держит!» Зашли. Ассортимент пирожных наш, знакомый с детства. «Всё, — говорю, — ребята! Покупаем эклеры и едим их прямо на улице, как в Баку!» (Был такой жанр.) Так и сделали. Потом все признали, что эффект превзошёл ожидания. Было полное дежавю! Хозяйка кондитерской по славной бакинской традиции украла всё. В смысле, сэкономила на продуктах. В эклере не крем, а какой-то кусок маргарина с сахаром, как часто бывало в Баку. Господи, как же мы ржали.

Отношение бакинцев к каким-либо официальным правилам всегда было, скажем так, довольно спокойным. Нет, конечно, Уголовный кодекс читали, особенно в части преступлений, угрожающих жизни и здоровью граждан, а также их имуществу. Убийц, грабителей, воров, хулиганов ловили и сажали с полного одобрения общественности. А вот государственное добро людей мало волновало.

БИОМП На эту тему старый бакинский анекдот. В такси: «Сколько я тебе должен?» — «3 рубля видишь на счётчике — это государству, и 50 копеек мне». «На, 50 копеек тебе, а государство обойдётся».

Были спекулянты, подпольные предприниматели, были выпускающие «левую» продукцию «цеха» (обычно ширпотреб — ручки, платки и т.д.). Были взятки, не знаю, меньше или больше, чем в других местах. А вот чего наверняка было больше, чем в более северных краях, так это «тапша», то есть протекции, действия через знакомых, блата. Слово происходит от азербайджанского *tapşırıq* (тапшырыг), что означает «поручение, наказ, задание». Когда надо было решить какую-то практическую задачу — устроиться на работу, организовать сдачу экзаменов в институте, купить товар «из-под прилавка», часто начинали с поиска правильных знакомых, которые могли бы «тапшануть», то есть передать наказ или замолвить словечко тому, от кого зависит решение. Как уже было сказано выше, связей у людей было

множество и ими пользовались достаточно часто. При этом «тапш» совершенно не обязательно подразумевал обмен услугами — если просил хороший приятель, было просто не принято отказывать.

БИОМП «Тапш» — это великое дело. Но, как известно, от великого до смешного...

Моя жена-москвичка работала ведущим инженером в головном НИИ. После замужества переехала в Баку и устроилась на работу. Работа ей показалась неинтересной, и мы стали искать другую. И вот как-то, в радостном возбуждении, приходит мой кузен — врач правительственной поликлиники. Был у него на приёме директор большого научно-исследовательского объединения. Брат воспользовался случаем и рассказал, что вот, мол, приехала родственница из Москвы, там работала в таком(!) месте, занималась масштабными разработками, а в Баку прозябает в какой-то дыре с идиотом директором. Пациент сказал, что очень заинтересован в толковых кадрах, что специалисты из Москвы на улицах не валяются и чтобы москвичка ему немедленно позвонила: и интересная работа, и соответствующие должность и зарплата будут предложены. «Вот его визитка. Звони прямо при мне», — закончил кузен свой рассказ. Жена взяла визитку и ахнула: это был директор её института. Хорошо, что мой заботливый кузен не назвал фамилию моей жены. К слову, потом она перешла на другую работу, где с удовольствием и интересом проработала все годы, что мы жили в Баку.

«Тапш» в Баку имел самые разные проявления. Не удержусь и расскажу ещё несколько историй. Стопроцентно достоверных, потому что я знал всех фигурантов. Дочка маминой приятельницы закончила школу с золотой медалью и поехала поступать в МГУ. Не прошла собеседования и вернулась в Баку. Приёмные экзамены уже везде кончились, и этот учебный год был для неё явно потерян. В это время мой старший брат учился на 3-м курсе филфака. Одним из его преподавателей был очень интересный человек, профессор Гулам Гамидович Аликберлы. Брат дружил с сыном профессора и бывал в их доме. И вот, будучи в гостях, брат в обычной беседе рассказал эту историю. И что вы думаете? Гулам Гамидович позвонил ректору пединститута, своему бывшему аспиранту, и попросил помочь. Ректор, уважая своего учителя и заинтересованный в толковых студентах, заново собрал приёмную комиссию. Девочка с блеском прошла собеседование и тут же стала студенткой. Добавлю, что обоим учёным не пришлось сожалеть о принятом решении: новая студентка замечательно училась и в 36 лет уже защитила докторскую диссертацию. Она автор многих книг, давно уже сама профессор и преподаёт в альма-матер.

Другой случай, когда Гулам Гамидович «тапшевал». На этот раз моего брата — нашим собственным родителям. Профессор, которого мы знали только понаслышке, пришёл к нам, чтоб убедить маму послать брата в Москву. «У Вас очень способный сын. Ему надо обязательно, хотя бы месяц, поработать над дипломом

в Ленинской библиотеке». Согласитесь — неординарный поступок. Не скажу, что в Баку так поступали часто, но это вполне укладывается в логику бакинских отношений. Поэтому у бакинцев эти истории вызывают безусловное одобрение, но не удивление.

И ещё про «тапш». К профессору бакинского университета подошёл его коллега, профессор с другой кафедры: «Слушай, Аслан, у меня просьба. К тебе завтра придёт сдавать экзамен С. — обрати на него внимание». «Хорошо, сделаю», — услышал он в ответ. На экзамене студент С. получил двойку. «Аслан, ты же обещал! В чём дело?» — спросил профессор с другой кафедры. «Понимаешь, на билет он ответил между тройкой и четвёркой. Но ты сказал «обрати внимание». Я стал подробно расспрашивать — он ни черта не знает!»

А вот история про то, как мы «тапшевали» целую организацию — театр. В 1972 году впервые вручалась Государственная премия АзербСР. Естественно, этому предшествовала длительная работа по отбору и выдвижению кандидатов. Три премии присуждались в области литературы, искусства и архитектуры. Среди соискателей оказался спектакль театра Русской драмы «Шаги командора» (первая постановка в стране пьесы Вадима Коростылева о Пушкине). К нам (моему старшему брату в первую очередь и ко мне) пришли радостно возбуждённые друзья-актёры поделиться этой новостью и посоветоваться. Премия республиканская и, согласно советской идеологии, использование азербайджанского языка и обращение

к национальной культуре давали преимущество. Русскоязычный спектакль о русском классике этих преимуществ не имел. И вот нашим номинантам, игравшим главные роли — Натали, Пушкин, Николай I, — пришла в голову мысль выступить с концертами на предприятиях, чтобы трудовые коллективы написали письма в поддержку их выдвижения на госпремию. Мы согласились, что это отличная идея, выпили по рюмке... а может быть по чашке кофе (увы, память!) и гости ушли. Очень хотелось им помочь! И мы кинули клич. У нас было большое количество, ну, если не друзей, то уж точно приятелей. Среди них — директора, главные инженеры и просто инженеры, школьные учителя и профессора, работники НИИ и т.д. Вне зависимости от должности это были умные и приятные люди, которые пользовались уважением коллег. Мы обратились к ним. И вот в комитет по присуждению госпремий Азербайджанской ССР пошли письма примерно такого содержания: «Мы, работники городского транспорта (школы, завода, вуза, комбината) были на спектакле «Шаги командора» и считаем его достойным Государственной премии». И, как положено, всё на официальном бланке и три подписи — дирекция, партком, местком, — заверенные печатями. Таких писем набралось более сорока (точно не помню, было бы больше, но заболел папа и нам стало не до эпистолярных развлечений). Конечно, нам помогло то, что в Баку было много театралов, а «Натали», «Пушкина» и «Николая I» знали и любили в городе... «Натали» была приветлива, доброжелательна и удивительной кра-

соты. На гастролях очарованные зрители (и даже зрительницы) засыпали её записками после каждого спектакля: выражали восторги, просили о встрече, приглашали в гости. «Пушкин» — тонкий, остроумный собеседник, душа застолий, любивший и умевший выпить. Если он «перебирал», то начинал читать стихи — Блок, Тютчев, Пастернак — и делал это превосходно. «Николай I», улыбчивый красавец с фигурой гвардейца, тоже не чурался тёплых компаний, но никогда не пьянел. Всегда оставался подтянут и элегантен. Проработав в театре десятки лет, он не был замешан ни в одну интригу (для актёрской среды — уму непостижимо!). Придумщик и прекрасный рассказчик баек, и не только актёрских. К тому же к радости и гордости бакинцев сколько-то лет он был «главным Дзержинским Советского Союза» — снялся в этой роли во многих фильмах. О высоком профессионализме всей артистической троицы ничего не пишу: это само собой разумеется. Но вернёмся к письмам. Больше сорока от нас, ещё десяток собрали актёры. Не знаю, насколько всё это было важно, но лауреатами наши друзья стали. Главное, конечно, мастерство и таланты актёров и режиссёра — постановщика спектакля. А на банкете (помню!) точно пили не кофе.

Тапш нужен был и тогда, когда люди заболели. Не очень доверяя бесплатной государственной медицине, они искали ходы к врачам. По знакомству или за деньги. Часто бакинцы пытались устроиться лечиться в Москве, по республиканской квоте или

выходя напрямую на московских докторов. Кстати, до сих пор иногда слышу мнение, что «кавказцы развратили Россию взятками». Уверена, что оно сильно преувеличено, всё-таки те, кто их брал, были готовы оказывать услуги за деньги. Но думаю, что средний уровень медицины в России (РФ) был выше, чем в союзных республиках, а жителям реже приходило в голову делать что-то в обход правил.

БИОМП Позволю себе рассказать одну историю, которая могла бы произойти и в другом месте, но вывод, который сделали бакинцы...

К директору института урологии, членкору Академии медицинских наук СССР Д. пришёл с претензиями профессор М., специалист по грудной хирургии. О чём говорили они в кабинете Д., точно неизвестно, но дело кончилось тем, что профессор М. попытался медицинским топориком отрубить голову уважаемому академику. На крик сбежались люди. Спасаясь от погони, М. кинулся по лестнице вверх и выбросился с последнего этажа. Разбился насмерть. Д., к счастью, удалось спасти. Слава богу и врачам!

В семидесятые годы, когда произошла эта трагедия, я уже жил в Москве. Мне её рассказали приезжие бакинцы. «Ужас, — говорили они, — и это врачи! У кого лечиться! Как им можно доверять?» Я вполне разделял их чувства, действительно зверство: профессор, врач — полная дикость! Эта мысль вертелась у меня в голове, а рассказчик тем временем продолжал: «Специалист, хирург! Убить не смог!» Ну, что ж, чем не оценка профессионализма.

Конечно, местным врачам не очень доверяли не только в связи с приведённой историей. Многие бакинцы были уверены, что решающую роль для поступления в азербайджанский мединститут играет не сумма знаний абитуриента, а сумма денег, заплаченных экзаменаторам. Оценки во время учёбы также получали за определённую мзду. Помню невесёлые разговоры: «Армяне — молодцы! Они в Ереване только 80% принимают за деньги, а 20% по знаниям. Поэтому там есть у кого лечиться, а у нас всё за деньги». Кстати, слухи о тотальной безграмотности бакинских врачей оказались несостоятельными. Знаю многих выпускников нашего медвуза, которые с успехом работают в лучших клиниках Москвы, в Германии, США, Израиле.

В Баку по восточной традиции уважительно относились к людям старшего возраста и хорошо — к детям. Пожилым уступали места в транспорте, разумеется, предлагали лучшее место за столом и не усаживались, пока не сядут они, что называется — делали уважение, хёрмет, и что по-моему ещё важнее — им почтительно внимали и к их словам относились с вниманием.

БИОМП Есть такое хорошее слово *hormet*. В переводе с азербайджанского — «уважение». И на стыке двух языков появилось устойчивое выражение «сделать хёрмет». Такую корявую фразу можно услышать в Баку от людей разных националь-

ностей и любого уровня культуры, даже от преподавателей русской словесности. Это понятие не связано с подхалимажем и не измеряется материально.

«Сделать хёрмет», наверное, ближе всего по смыслу к выражению «оказывать уважение» (см. «Крёстный отец»).

Сделать кому-нибудь хёрмет — это подчеркнуть значимость человека, устроить в честь него специальное застолье или, будучи в гостях, сказать про него особенно пышный тост. Можно поздравить с семейным праздником, даже если по этому поводу не устраивается званого застолья. (Ты не приходишь в гости, а просто зашел поздравить и вручить подарок, а уже дело хозяина захотеть и суметь уговорить тебя остаться.) Можно у себя в доме приготовить любимое блюдо для «уважаемого». И не просто подать его на стол, а объяснить всем присутствующим, почему вы его специально приготовили. В общем, задача как-то выделить человека, подчеркнуть его значимость. И, конечно, встречались индивидуумы, которые сами для себя старались организовать дополнительный хёрмет. Вот моя личная история.

Мы уже жили в Москве, когда моя жена серьезно заболела. К изумлению друзей-москвичей мы, «презрев» знаменитые московские институты, уехали оперироваться в Баку, где жил мой кузен, замечательный хирург, которому мы очень доверяли. Операция прошла прекрасно, страхи остались позади. Понятно, что в клинике, где работал мой брат, к его родственнице относились с повышенным вниманием. И моя мама

(мы остановились, естественно, у неё) решила устроить приём для врачей: анестезиолог, палатный врач, зав. отделением и, само собой разумеется, наш родич-хирург. Так вот, когда я приехал в клинику с приглашением, зав. отделением — профессор, доктор медицинских наук, учился и работал в Ленинграде — сказал «Спасибо! Все придём. Но (!) я буду с женой, а они — без!». Так и случилось. Ну, а за столом мы, конечно, сделали равный хёрмет всем приглашённым.

В понятие «старшие» входило и начальство, естественно, только у тех, кто хотел с ним успешно взаимодействовать. Но восточная традиция делала даже такие отношения поэтически-витиеватыми.

БИОМП Я всё говорю: бакинцы, бакинцы... Но, надеюсь, всем понятно, что в первую очередь бакинцы — это люди, и ничто человеческое им не чуждо. В том числе и отношение к начальству. Основная масса относилась к начальству никак, иногда с опаской, а кто-то и с уважением. Но некоторые, особенно те, кто хотел подняться по административно-партийной лестнице, относились к старшим по чину ещё более трепетно, чем к старшим по возрасту, и ещё более умилительно, чем к детям.

Причём чем выше был пост руководителя, тем внимательней он (руководитель) всматривался в глаза и старался уловить интонации голоса того, кто рангом выше, чтоб предугадать его желания и понять истинные намерения. Всё понять с полуслова и услужить

без прямого указания было особым умением и, конечно, помогало делать карьеру. Можно было услужить, а можно было тонко соблюсти пиетет для демонстрации своего уважения «старшим товарищам». И это понимали и ценили. «Тому в истории мы тьму примеров сыщем...», но я расскажу только те, которые полностью достоверны: что-то я знаю из первых рук, а где-то и присутствовал.

Общественный транспорт входит в систему городских служб и одновременно подчиняется отраслевым министерствам. И вот, после очередного заседания, председатель Бакгорисполкома спрашивает директора троллейбусного парка: «Слушай, я знаю, тебе в министерстве выдали новую служебную «Волгу». Почему ты всё на «Москвиче» ездешь?» «Понимаете, у меня в машине спецсвязь. Всё никак не соберусь переоборудовать машины». Председатель благосклонно улыбнулся: «Понял. Ладно, можешь уже ездить. Мне вчера тоже новую «Волгу» дали». Начальник оценил чувство такта у нижестоящего, не позволившего себе разъезжать в экипаже лучшем, чем у шефа.

Вторая история почти домашняя. Однокашник моей племянницы — школьный учитель в Сумгаите (небольшой город рядом с Баку). Директриса школы настоятельно посоветовала ему не носить обручальное кольцо. На изумленное «почему?» ответила: «А Вы видели когда-нибудь обручальное кольцо у Ш.А.?» (Ш.А. — первый секретарь сумгаитского горкома, умный интеллигентный человек, прекрасный инженер, талантливый ученый, был переведён на партийную работу волевым решением ЦК.) Через несколько дней

после того, как я услышал этот бред, Ш.А. с женой были у нас в гостях. Я со смехом рассказываю ему школьную историю, предвкушая реакцию. Но тут в разговор вступает жена гостя: «Что ты ему рассказываешь! Спроси, где его кольцо? В кармане носит. Ему в ЦК сразу сказали, что Гейдар Алиевич ходит без обручального кольца». Я уверен, что Г.А. Алиев, в ту пору первый секретарь ЦК компартии Азербайджана, ни прямо, ни косвенно не давал никаких указаний по этому поводу, но рвение «угожденцев» не знает границ.

А ещё в Баку с большим уважением относились к людям образованным, интеллигентным, обладающим знанием. Возможно, их заодно считали немного «не от мира сего», и окружающие старались им помочь в повседневной жизни.

БИОМП Карьеристы демонстрировали своё уважение к начальству, а простые бакинцы куда с большим почтением, чем к власти предрежающим, относились к людям образованным, много знающим. Желая обратиться к человеку уважительно, говорили «муэлим» или «муэлиме» (учитель, учительница). Когда мне было 13 лет и начались мои самостоятельные вечерние прогулки, ко мне подошли слегка приблатнённые ребята с нашей улицы, многих я не знал даже по именам («домашний» мальчик), и сказали: «Ты уже ходишь гулять. С девушками ходишь. В городе много хулиганов. Ты с ними не связывайся. Если тебя заденут — скажи нам, мы разберёмся. У вас такая семья — вы книжки читаете». Дол-

жен признаться, несколько раз мне пришлось воспользоваться их предложением. Позже, когда я немного поднаторел в уличном кодексе, выяснилось, что есть «блатные» (урки), есть «суки», «фраера» и «студенты». Так вот, «студентов» обижать было негоже, они книги читают.

Вспомнилась одна «книжная» история. В 1965 году мои родители и семья старшего брата переезжали в новую кооперативную квартиру. Я, тогда молодожён, оставался в старой. Мебель мама оставляла мне, тем более что в новой квартире потолки были ниже дедушкиных шкафов. Посуду и прочий скарб перевезли приятели на своих машинах. Проблемы возникли с книгами. У брата была приличная библиотека, примерно восемь тысяч томов. Это и тяжело, и громоздко. Никаких бюро перевозок не было, и папа нашёл «левый» грузовик с двумя «левыми» молодыми грузчиками. Когда грузчики увидели книги, они от их количества слегка обалдели. Преисполнились к брату величайшим уважением. Бережно под руки посадили его в кабину. Очень аккуратно погрузили и выгрузили книги и... наотрез отказались от платы. «Вы только шофёру, что обещали, дайте, а мы не возьмём. Это книги! Учёный человек!» Сколько их папа ни убеждал, они твёрдо стояли на своём и потихоньку продвигались на выход. И тогда папа сказал: «Хорошо! Но вы, ребята, извините, мы только приехали, видите, что творится, не могу открыть стол и с вами вместе выпить. Вот две бутылки коньяка — возьмите и выпейте потом за моё здоровье». Слава богу, этот компромисс

их устроил. Мы сказали друг другу «чох сагол» («спасибо», «очень хорошо») и разошлись. Любите книгу, источник знаний... особенно если вы любите читать.

Ещё один аспект «книжной тематики». Напоминаю, что дефицит был на очень многое, в том числе и на книги. Хорошую книгу было достать не просто. Правда, тиражи всё время увеличивались, но число читателей росло ещё быстрее. Книга действительно стала «лучшим подарком». В магазинах оставляли книги «для своих» или продавали из-под прилавка по двойной-тройной цене. Но сплошь и рядом, если продавец в книжном магазине полагал (не знаю, какими критериями он пользовался), что именно вы должны стать обладателем книги и именно вам важно иметь её в своей библиотеке, то он придерживал книгу специально для вас, сообщал дату поступления нового товара. И за всё это ни одной лишней копейки, ни бутылок, ни шоколадок! Обменялись несколькими фразами, сказали «спасибо», и процесс общения окончен. Обычно продавец и покупатель даже имён друг друга не знали. Просто вы «книжки читаете». Если магазин был большой, то после того, как один продавец признавал вас за читателя, все остальные следовали его примеру.

Детей в Баку просто любили — уступали места, пропускали в первые ряды, предлагали яблоко или конфету, вообще им радовались и, конечно, прощали крики, беготню, разбитую посуду: «машаллах, ребёнок, пусть побегает».

БИОМП Жили мы в Баку и был у нас диван. Со временем он поистрепался, и потребовался ремонт. В какой-то мастерской мы договорились, что мастера пришлют на дом. Рано утром в дверь постучал пожилой, небольшого роста человек с симпатичным лицом. «Дядя Самсон», — представился он. Мы вытащили во двор стол, водрузили на него пресловутый диван, и работа началась. Где-то в середине дня жена предложила дяде Самсону перекусить, он отказался. Ближе к вечеру я пригласил мастера пообедать. Эффект тот же. Я стал уговаривать и услышал в ответ: «Если я поем, то шабаш должен делать. Всё сделаю, потом». Уже стемнело, когда работа была окончена. Мы полюбовались диваном и дядя Самсон, довольный нашей реакцией, благосклонно сказал: «Теперь можно поесть и даже выпить». Мы начали организовывать «поесть и даже выпить», а пятилетние дети, моя дочь и племянник, стали радостно прыгать по дивану. «Успокойтесь», — начал я, но меня остановил дядя Самсон: «Зачем детям мешаешь?! Лучше садись, я тебе расскажу».

И он рассказал. Перескажу вам только суть, опуская почти все красочные подробности. Сколько-то лет тому назад Самсон (тогда ещё не дядя) ремонтировал мебель у Самеда Вургуна, выдающегося азербайджанского поэта и общественного деятеля, пользующегося всеобщим уважением. Так вот, дети случайно порвали обивку стула из импортного гарнитура. Такой ткани в Баку не было, и хозяева приняли решение обить заново все стулья. Самсон выслушал по-

желания, всё просчитал и сообщил, что нужно 12 метров материи, неделю срока, а труд оценил в 1000 рублей. Вургун не согласился и сказал: пусть будет 15 метров, срок 10 дней, а за работу он заплатит 1300 рублей (цифры точно не помню, но важен подход!). Через указанное время заказ был выполнен. Приёмная комиссия в лице хозяйки (хозяина не было дома) осталась довольна. С Самсоном хотели расплатиться, но он отказался брать деньги, пока «сам» не посмотрит. На другой день Самсона на машине привезли в дом поэта. Хозяин поблагодарил за работу, щедро расплатился и предложил рюмку коньяка. «И как раз тут, — рассказывает дядя Самсон, — его сын Юсиф, который уже теперь сам писатель, прямо с туфлями начинает прыгать на стуле. Я ему говорю: «Ай, оглан (сынок), ты что делаешь?! Твой отец только что такие деньги отдал». И тут Самед говорит: «Мастер, если дети сегодня не будут играть, где ты завтра на хлеб возьмёшь?!» «Прыгай, дочка, прыгай», — повернулся дядя Самсон к детям.

БАКУ СЕГОДНЯ

*Наречия смешавший, новь и древность,
Восток и Запад, город и деревню —
Судьба моя, земля моя — Баку.
Не выбирал — так вышло. Выпал нумер.
Родился здесь, живу. И где б ни умер —
Далёко от тебя не убегу.*

Александр Грич

Много лет прошло с моего солнечного бакинского детства, сменилась пара поколений, много народу уехало. Город фантастически изменился: на месте старых кварталов пролегли широкие бульвары, построены новые здания, в том числе с очень «штучной» архитектурой (Центр Гейдара Алиева архитектора Захи Хадид, Музей Ковра на бульваре, Flame Towers на горе), старые дома отреставрированы. Вечером город и бухта прекрасно подсвечиваются, самый потрясающий вид на это — с открытой площадки-кафе отеля Хилтон около Дома правительства или с телебашни над Нагорным парком. Следов прошлого, даже моего, а уж тем более папиного, не так много. Но всё равно сюда хочется позвать знакомых. Съездить в Баку стоит, вы получите удовольствие и от самого города, и от людей, и от вкуса жизни, в которой важная часть — вкус еды. А чтобы счастье было

полным, возьму на себя смелость предложить вам придерживаться следующих базовых принципов:

— Разговаривайте!

Даже если вы интроверт! Иначе потеряете часть вкуса и аромата. Люди вокруг очень доброжелательны. Русский язык уже знают не все, но больше половины населения. Все будут рады вам помочь, подсказать, показать. Конечно, это не значит, что продавец никогда не попытается выдать вам китайский шарф за настоящий шекинский шёлк или не скажет «вот ковёр XIII века», забыв прибавить, что это год хиджры (то есть для перевода в обычное время надо прибавить 6 веков). И надо быть готовым к тому, что в чайхане или ресторанчике не будет меню, а итоговая стоимость отчасти будет определяться степенью вашей «заграничности», то есть заказ по-английски вам обойдётся дороже, чем по-русски, а по-русски — дороже, чем по-азербайджански (впрочем, это не страшно, потому что в таких местах цены невысоки). Зато с официантом можно тщательно обсудить качество блюда и его состав (и при необходимости внести собственные коррективы). А люди на улицах просто будут вам помогать, совершенно бескорыстно. И, если они будут предлагать вам чай (что в Баку является первым необходимым действием, когда приходит гость), можете спокойно принимать приглашение — это не часть сложной комбинации по завоеванию вашего доверия, а просто культура гостеприимства. Если вы хотите зайти

в мечеть, скажите служителю у входа «мы туристы из...», говорят, что тут красиво, можно посмотреть?» и, если к этому не будет реальных препятствий (например, время намаза), он с удовольствием вас пустит, покажет и расскажет. Скорее всего, это будет бесхитростный рассказ простого человека о том, что ему кажется важным, но это-то и интересно, а всё остальное вы прочтёте в интернете. Та же система работает с любым помещением типа ресторана (например, Караван-сарай в Крепости) или Дома архитектора. Разговаривайте с продавцами, водителями и т.д., получайте удовольствие, но — не рекомендую вступать в обсуждение национальных вопросов или политики и вождей страны, зачем вам это?

— Округляйте!

В смысле — не думайте о точной сдаче. В Баку по-прежнему не принято мелочиться. В такси лучше сразу договариваться о цене. Уникальное исключение — бакинские кэбы. В 2011 году правительство (не знаю, страны или города) закупило в Лондоне тысячу машин, покрасило их в фиолетовый цвет и организовало службу, которая (самое фантастическое) возит по счётчику (такого не помнят и старожилы советских времен).

— Не бойтесь забегаловок!

В Баку, как и везде, есть более и менее известные и популярные рестораны, но важно знать, что общий уровень еды достаточно высок. Так что вы не

рискуете, зайдя в забегаловку на улице. При условии, конечно, что вы едите местную еду: кутабы, дюшбара, люля, шашлык, а не требуете стейка и картофеля фри (учтите, если вы — настойчивый космополит, вас может постигнуть глубокое разочарование). Заказывайте зелень, помидоры, огурцы, редиску — даже если в Москве вам кажется, что вы всего этого не любите, у вас будет шанс узнать их настоящий вкус. И не забудьте обсудить еду с официантом — например, свежая ли у них осетрина для шашлыка или лучше взять барашка?

— Пейте чай!

В хорошую погоду — на улице. Чай можно получить практически в любом кафе и ресторане, будь то пивной бар или суши. Но всё-таки если заведение выглядит очень формально, переспросите. К чаю, как правило, предлагают выбор варений (белая черешня, кизил, орех, фейхоа и т.д., всё живое и местное) и сладостей (пахлава, шакер-бура, мутаки и пр.) — вкусных. Впрочем, от них можно отказаться, чтобы не платить лишнего, «пустой» чай стоит копейки. В тёплое время года чайханы работают практически круглосуточно, особенно на Бульваре.

Хош гелмисиниз!¹ И в прошлое, и в настоящее! И вы вместе с нами скажете: «Ай, Баку, джан Баку!»

¹ «Добро пожаловать» по-азербайджански.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГОРОДСКИЕ ИСТОРИИ

*Так начал свой рассказ неведомый сказитель, —
Повествования о канувшем хранитель.*

Низами Гянджеви

Бакинцы любят трепать языком. Причем принцип «будьте взаимно вежливы» почти неприменим: каждый любит говорить, а не слушать. В Баку мгновенно разносились не только новости, но и истории; некоторые, возможно, не содержали важной информации даже по бакинским меркам, но являлись важным фактором для поддержания бакинцев в нужном тоне. Эти истории с удовольствием пересказывают и, естественно, они обрастают всё новыми красочными и захватывающими подробностями. Многое зависит от творческих способностей рассказчика. Особо продвинутые одну и ту же историю каждый раз излагают в новом варианте. Фабула, конечно, остается. Но всё остальное... А теперь как истый бакинец предлагаю вам свою, разумеется самую точную, версию.

«...Но что-то героическое в этом есть»

Есть истории однодневки, их быстро забывают. Другие пересказывают десятки лет. Часто потому, что они связаны с определённым человеком, и это придаёт истории дополнительные шарм и вкус. Согласитесь: театральные байки про великих мхатовцев нам куда интереснее, чем рассказ об актёрских проделках в каком-нибудь Урюпинске, таких же или очень похожих.

В 1964-м я был на митинге, посвящённом 30-летию установления звания «Герой Советского Союза». Честно говоря, мне был известен только один человек с такой высокой наградой. Все бакинцы знали директора большого гастронома — Шахновича. Он удостоился звания Героя за то, что повторил подвиг Александра Матросова. Только он закрыл вражескую амбразуру не грудью, а ногой, обмотав её телогрейкой. Ногу потерял, но остался жив. Про него ходил слух, что в 1947 году какой-то не в меру разбушевавшийся покупатель стал на него орать: «Мы кровь проливали, а ты, жидовская морда, отъелся на тыловых харчах!» И тут нервы у ветерана-инвалида не выдержали, и он из именного оружия застрелил обидчика. Суд, дескать, оправдал Шахновича, благо убитый оказался с уголовным прошлым. Старшие почему-то говорили об этом вполголоса. Может быть, потому, что наступило время «безродных космополитов», а может, и потому, что история казалась слишком уж фантастической, даже для бакинского уха. Итак, знал только одного, а на митинге увидел многих.

Именно на этом митинге мне повезло познакомиться с Зиёй Мусаевичем Буниятовым. До этого я

сколько-то раз видел его в городе, но не знал ни его имени, ни чем он занимается. Рослый статный мужчина лет тридцати пяти-сорока с умным запоминающимся лицом. Одет просто, несколько небрежно. Часто в компании с дамами явно не аристократического поведения. Как-то раз я присутствовал на базаре, где он, возмущённый заоблачными ценами на какие-то овощи, весьма энергично и при явном одобрении окружающих высказывал продавцу всё, что о нём думает. Мнение было весьма нелестным. В связи с явным неравенством сил оробевший продавец что-то бормотал в оправдание. Но вернемся к митингу. Народу собралось чуть-чуть, но вскоре подъехали автобусы со студентами, которых специально для этого сняли с занятий. Выступил представитель ЦК, а потом один за другим несколько кавалеров Золотой Звезды. Выступавшие были в прямом и переносном смысле застёгнуты на все пуговицы. Читали по-написанному. Речи были длинные, скучные, с обилием газетных штампов и похожие одна на другую. Фронтовики, так ярко проявившие себя в боевых условиях, явно были людьми дела, а не слова.

Кстати, не знаю, как сейчас, но на то время все рождённые в Азербайджане Герои и дважды Герои, солдаты и маршалы, азербайджанцы, армяне, евреи — все получили это звание на фронтах Великой Отечественной.

В толпе заскучали. Молодёжь перешептывалась и посмеивалась. Последним поднялся на трибуну тот самый «рослый и статный», в расстёгнутом пиджаке (!)

без галстука (!). Сказал коротко: «Все знают, что война — это очень плохо. Знают все, но тем, кто не воевал, понять это невозможно. Дай бог, чтобы вы никогда этого не поняли!» «Да, — подумал я, — он тоже не оратор».

В продолжение митинга те же автобусы привезли нас на военное кладбище, почтить память павших. И вдруг среди воинских могил относительно свежее захоронение, судя по табличке — лицо явно гражданское. Это вызвало общее возмущение: все знали, что за хорошее место на близком кладбище надо было внести мзду, конечно, неофициально, но всё имело свои границы. Работники военкомата — организаторы митинга — стали между собой что-то оживленно обсуждать. И тут раздался громкий голос моего героя: «Где Джавадов? (директор бакинских кладбищ — одиозная фигура). Передайте ему — я его обязательно побью! Если не перезахоронит, опять побью. Сильно.» Я пришел в полный восторг. По окончании церемонии подошел, представился: «Корреспондент газеты «Бакинский рабочий»». «Зия Бунятов», — бросил он коротко. «Да, — думаю, — к обращению по отчеству он явно не привык». Дальше выясняется: служил в пехоте, фронтовой разведчик. У меня стал складываться образ: крепкий хулиганистый парень, наверное, вожак уличных мальчишек, инициативный, никого и ничего не боялся. Смельчак и здоровяк, легко мог взять «языка» и вообще отважно бил немцев в хвост и в гриву. Пошёл на фронт, конечно в пехоту — танкисты, летчики должны были чему-то учиться, а это явно не в его ха-

рактере. Боже, какой я был осёл!!! Но, пока я думаю, беседа течёт по накатанному: «Где сейчас работаете?» — «Институт востоковедения». Завхоз, наверное. «Кем?» — «Завсектором (!)». «А... а в каком Вы чине?» — «Подполковник в отставке (!!))». Созданный моим воображением образ явно потерял чёткие очертания, и вообще растаял и улетучился. (Когда я лет пять-шесть спустя за столиком в «Интуристе» рассказал ему об этом, он ответил, что корреспондент не обязан быть умным, и предложил тост за моё здоровье.)

Но продолжу. Зия Мусаевич Бунятов — Герой Советского Союза, кавалер многих высоких орденов. Прошёл всю войну. Был неоднократно ранен, но всегда возвращался в строй. А ещё доктор исторических наук, учёный-востоковед, автор многочисленных фундаментальных трудов, академик. Его военные подвиги и научная работа заслуживают всяческого уважения. Желающие узнать подробности могут легко это сделать с помощью интернета. Я о другом. Бакинские рассказчики придерживаются принципа, что «сначала было Слово». А «Слово», если это не «Слово о полку Игореве», — не то, что написано, а то, что сказано. И в Баку говорили не о том, что написал Бунятов, а о том, что он сказал. Тут важно не только «что» сказал, но ещё где и кому. Зия Мусаевич иногда резко и своеобразно реагировал на, как тогда говорили, «негативные явления нашей действительности». По Бунятову «негативными явлениями» были и некоторые действия властей. Нет, академик не был диссидентом и выступал не против системы. Но! Опреде-

лённые лица вызывали у него определённую реакцию. Несомненную смелость, проявленную в боевых условиях, он сохранил и в мирной жизни. И равно открыто выражал своё возмущение и алчными продавцами на рынке, и зарвавшимися партийными бонзами.

Вот история, реальность которой не вызывает сомнения: были многочисленные свидетели. Расширенное заседание Академии наук АзербССР. Бунятов обрушился с критикой, вполне ожидаемой, на парторга Академии. И мало того, что припомнил тому все грехи, но ещё весьма уничижительно упоминал парторга в третьем лице, называя просто по имени. После заседания к Зие подошли коллеги: «Слушай, это нехорошо. Ругаешь — ругай! Но хоть бы раз по фамилии назвал, а так пренебрежительно... Всё-таки академик!» «Сам знаю — вы правы, — ответил Бунятов, — но вчера ко мне подошёл человек, которому я не могу отказать — он знал, что я буду критиковать — и попросил никаких фамилий в своей речи не называть. Я обещал!»

А ещё рассказывали: в конце 60-х годов Бунятов добился приёма у первого секретаря ЦК компартии Азербайджана В.Ю. Ахундова — полновластного хозяина республики — и сказал: «Вели Юсупович, в ту-рецких газетах пишут, что вы способствуете карьере своих родственников. Поимённо назвали 40 человек. Указали их степень родства с Вами. А также кем они были до того, как Вы заняли этот пост, и кто они теперь. Я — продолжал ученый — понимаю, что это клевета. Дайте мне сведения об этих людях. Я с фактами в руках разоблачу эту чудовищную ложь — на-

пишу разгромную статью и засажу в тюрьму всех этих горе-журналистов. В Турции очень суровые законы!.. А если это вдруг правда, то Вам надо подавать в отставку». Достоверность этой истории вызывала сомнение и у самих рассказчиков, но всем хотелось верить, что так и было. Тем более, что от Зии Мусавича всего можно было ожидать. Всего!

Злые языки страшнее пистолета

Оказывается, не всегда. В Баку долгие годы, ещё со студенческих времён, дружили два композитора, назовём их Лёва и Фариз. Дружили — дружили, а потом почему-то рассорились. И тогда пришел к Лёве некто и сказал: «Твой друг Фариз говорит, что ты такой-сякой». «Фариз так сказал?! — очень эмоциональноотреагировал Лёва, — Что я такой, что я такой?! Ну, если Фариз так сказал, значит я такой и есть. Фариз врать не станет. А теперь... пошел ты, сам знаешь куда». Некто знал, куда идти. Он пошёл к Фаризу и сказал: «Твой друг Лёва говорит, что ты такой-сякой». «Знаешь, — ответил Фариз, — если со мной что-нибудь случится, то первый ко мне прибежит Лёва. А теперь... пошёл ты, сам знаешь куда». Вскоре друзья помирились, и эта история всплыла наружу. И после этого некто для них стал никто.

И в службу, и в дружбу

В 1969 году первым секретарём ЦК компартии Азербайджана стал Гейдар Алиев. Он сразу начал наводить в республике порядок. Последовали серьёзные кадровые изменения. Людей снимали с работы,

исключали из партии, отдавали под суд. От попавших в опалу многие стали шарахаться. Многие, но не все. Начальник одного из городских управлений взял на работу изгнанного инструктора ЦК, своего старого знакомого. Через несколько дней управляющего вызвали в райком. «Слушай, — сказал ему секретарь райкома (на «ты» по доброй партийной традиции и в знак дружеского расположения), — мне сказали, у тебя Сабир работает. Ты что?» — «Это правда, работает. Но если Вы считаете, что это не правильно, я прямо сейчас его уволю!» А потом осторожно спросил: «Вот только скажите, если вдруг произойдёт невероятное и Вас снимут, неужели не найдётся друга, который Вам даст заработать на кусок хлеба?» — «Иди работай, — сказал секретарь. — Всё хорошо! Но, в случае чего, я не при чём!» На этом вся история закончилась. И секретарь, и управляющий, и Сабир продолжили работу, каждый на своём месте.

Против лома нет приема

В центре Баку в нескольких кварталах от здания ЦК КП Азербайджана (что окажется важным) есть сквер имени Мирзы Фатали Ахундова. Там ещё в 1930 году установили бронзовый памятник. Известный азербайджанский писатель и философ Мирза Фатали изображён сидящим в кресле с книжкой в руках. Как-то рано утром дворник обнаружил, что памятник сброшен с пьедестала. По тем временам (70-е годы) дело абсолютно неслыханное. Тут же приехали товарищи из очень компетентных органов. Расследование было

быстрым и эффективным. Виновниками оказались доктор математических наук Ч., живущий по-соседству, и его подельник — слесарь из ЖЭКа. Причину своего неординарного поступка Ч. объяснил так: «Вчера мою маму хоронили. Моя мама — профессор. Всю жизнь преподавала в университете азербайджанскую литературу. Мы здесь живём. А Ахундов к маминым окнам спиной сидит, а лицом на ЦК смотрит. Обидно за маму! Я взял лом и повернуть хотел. Не рассчитал...» Смелая попытка с диссидентским уклоном восстановить справедливость не удалась. Мирза Фатали и по сей день смотрит в том же направлении. Кстати, изначально, когда памятник устанавливали, не было ни здания ЦК, ни того дома, где жила уважаемая преподавательница.

Два в одном

В 1970 году совпали две знаменательные даты: 100 лет со дня рождения Ленина и 50-летие образования Азербайджанской ССР. На юбилейные торжества ждали Брежнева. В день его приезда было задумано грандиозное театрализованное шествие. Репетировали много дней. По замыслу авторов во главе праздничных колонн появлялся броневик с Лениным. И тут возникла проблема. Дело в том, что в двух бакинских драматических театрах, Русском и Азербайджанском, шли спектакли о Владимире Ильиче. И там, и там главные роли исполняли народные артисты, лауреаты. Кому же предоставить почётное право предстать в образе вождя на торжественной церемо-

нии? С одной стороны, национальный приоритет, но с другой — Ленин, всё-таки, представитель великого русского старшебратского народа. Было найдено во-истину Соломоново решение: на броневике в пол оборота спиной друг к другу стояли два Ильича с простёртыми в разные стороны руками.

Товавищи

В начале 20-х годов в Баку приехал Троцкий. Выступал на митинге с балкона ДК работников горной промышленности на улице Хагани (впоследствии Дом пионеров). В это время нефть относилась к горнодобывающей промышленности, и не было в обиходе слова «нефтяник». Пламенный оратор начал речь: «Дорогие товарищи горняки!» Толпа пришла в восторг. Дело в том, что Троцкий картавил, и прозвучало: «Довогие товавищи говняки!». В Баку много лет смеялись по этому поводу. И ещё много лет бакинские шутники уверяли, что хотя в Баку, как и во всей стране, судили английских шпионов, промпартию, пантюркистов и т.д., но не были «раскрыты» троцкистские организации. Видно, посчитали уже совсем абсурдным обвинять людей, что они следуют за человеком, имя которого вызывает общий смех.

История с бородой

Был в Баку известный композитор Д. — автор опер, ораторий, песен и музыки ко многим фильмам. У него был бзик: когда видел кого-нибудь с бородой, обязательно должен был эту бороду потрогать. Од-

нажды в Баку приехал дирижёр, профессор московской консерватории, известный, заслуженный — и бородатый. Д. сказал: «Хочу». Ему сказали: «Оставь человека в покое». Но Д. нашёлся — в разгар банкета он подошёл к профессору, сказал: «Маэстро, у вас в волосах плов застрял» и деликатно, как бы стряхивая рис, прикоснулся к бороде гостя.

А как-то раз он ехал по Корганова (улица Расула Рзы) и увидел старика с роскошной бородой, мирно сидящего у стены дома. Д. вышел из машины, подошёл к старику, и дальше из машины было видно, что Д. ему что-то говорит, старик отвечает, потом задирает голову, Д. дергает его за бороду двумя руками, отдаёт старику честь и уходит. «Как ты это сделал?» — спросили друзья. «Я сказал ему: «Ты — английский шпион». — Старик ответил: «Ты что, сумасшедший?» — «Нет, я из милиции. Ты думаешь, если бороду наклеил, я тебя не узнаю?!» — «Это моя борода! Проверь». Я проверил, извинился и ушёл». При этом сам Д. бороды не носил и всегда был тщательно выбрит.

Не пил, не курил, не врал

Именно этой триадой объяснял своё завидное долголетие житель Лерикского района труженик сельскохозяйстелы «Комсомол» Махмуд Эйвазов, рабочий стаж 135 лет. (Курить уже почти запретили, с алкоголизмом боремся, эх, ещё бы с враньём что-то сделать... Жили бы, возможно, не дольше, но точно лучше.) В середине прошлого века Махмуд Эйвазов стал широко известен не только в республике. В 1956 году

выпустили даже почтовую марку «Махмуд Эйвазов. 148 лет».

В Азербайджане всегда уважали старших, а Эйвазов даже для столетних был аксакалом! Почтенного долгожителя привезли из его горной деревни и начали водить по торжественным заседаниям. Его присутствие в президиуме всегда вызывало одобрительный интерес зала. Короткая зарисовка. Бакинская опера. Началась увертюра. И тут какое-то движение и шум в правительственной ложе (в Баку она возле авансцены). Зрители недовольно покосились и увидели... Махмуда Эйвазова (думаю, он впервые в жизни был в театре и не особенно соблюдал режим тишины). Зал встал и начал аплодировать, заглушая музыку. Ошарашенный дирижёр обернулся и, увидев головы, задранные вверх к ложе для начальства, в эмоциональном порыве сломал свою палочку. Но разобравшись, кто в ложе, поднял оркестр, и музыканты присоединились к общим аплодисментам.

С волками жить

Не помню как и почему к нам в дом попал этот человек, но помню его рассказ. Сразу скажу: рассказчик говорил о себе и, как лицо заинтересованное и участник конфликта, необъективен. Итак, наш гость, назовём его условно Сулейман, сделал изобретение (кажется, придумал, как при помощи солнечных батарей выпаривать буровые воды). Он изложил свою идею в письменном виде и отправил по инстанциям. Вскоре его пригласили к министру. Министр

предложил сделку: Сулейман уступит ему авторство, а взамен министр выделит из своих фондов Сулейману «Волгу» и сам же её от имени Сулеймана оплатит (хочу напомнить, что в то время в очередь за машиной стояли годами, а «Волга» была вершиной советского автомобилестроения и на чёрном рынке стоила втрое дороже номинала). Сулейман согласился. Ему тут же выдали все нужные документы. Осталось пойти и забрать свой приз. Но Сулейман был не так прост. На другой день он пришёл к министру, сказал, что передумал, и вернул бумаги. И предупредил, что он их сфотографировал, и если министр будет претендовать на авторство, то он предъявит их куда надо. И пусть Там разберутся, почему ему, Сулейману, не лауреату, не ударнику, не рабочему и даже не члену партии вдруг дали «Волгу». И, заодно, пусть сделают экспертизу почерка на квитанции об оплате. «Через два дня, — рассказывал Сулейман, — на меня чуть машина не наехала. А потом участковый «незаметно» сказал: «Сулейман, немножко осторожным будь. Где ты живёшь, милиция теперь совсем не ходит» — я всё понял. Сначала испугался, а потом подумал: «Нет! Ты так, и я так!» Тогда два моих человека записались на приём, зашли в кабинет к министру, встали на коран и поклялись, что, если со мной что-нибудь случится, его семья долго жить не будет». «Теперь меня с работы увольняют, — продолжал Сулейман, — но это ничего. Это по закону. Я тоже в ЦК писать буду, посмотрим!» Если эта история и была, закончилась она, видимо, мирно. О трагическом финале говорил бы весь Баку.

Бакинские Щелкунчики

На улице Видади жил дядя Яша, давнишний приятель моих родителей. Жил в коммуналке. Сосед — неведомый мне Михаил Крисман, кажется скрипач. И вот звонят в дверь. Дядя Яша открыл. На пороге мужчина и женщина. Он — небрит, она с большой брезентовой сумкой. Хмурые восточные лица, явно не интеллигенты, одежда потрёпанная. Говорят на ломаном русском: «Миша Крисман у тебя есть?» — «Да, они здесь живут». — «Много?» — «Трое». — «Покажи где». — «Их дома нет». Пришедшие помрачнели: «Зачем нету?» — «Не знаю, может быть на работе, может быть гуляют». Хмурые люди возмутились: «Какой работа! Нам сказали, им надо отраву давать, чтоб убить». Тут уже возмутился дядя Яша (и испугался): «Вы что! Кто сказал? Такие хорошие люди...» Его перебили: «Ты не знаешь. Они плохо людям. Они твой хлеб кусают, твой кастрюлька лезут — от них всякий зараза бывает». И тут дядя Яша понял, что его спрашивали «мыши — крысы есть?». А страшные «киллеры» просто работники противочумной станции, которые в отличие от сказочного Щелкунчика боролись не с Повелителем мышей, а уничтожали всех грызунов подряд.

Ученье — свет

Мне уже приходилось писать о бакинских вузах. И вот, вспомнил ещё пару нестандартных ситуаций. В АПИ им. Ахундова ректор сообщил литературоведу, профессору, что за студентку М. просил очень

большой человек и это надо учесть. Наступил день экзамена. Когда М. хотела взять билет, профессор остановил её: «Не будем терять ни моё, ни Ваше время. Вы же знаете, кто за Вас просил! Сколько Вам поставить?» Студентка «застенчиво» протянула зачётку: «Если можно — побольше...» Экзаменатор сделал необходимую запись и вернул зачётную книжку. Только в коридоре счастливая М. увидела, что её оценка «шесть». Она тут же вернулась в аудиторию: «Профессор, Вы тут ошиблись...» — «Всё правильно! Вы просили побольше — я так и сделал. До свиданья». Эта экстравагантная выходка не имела последствий. Во всяком случае, и ректор и профессор остались на своих должностях. Возможно, студентка не была достаточно близка к «большому человеку».

Вторая история произошла в том же вузе. Со мной в одной группе учился парень, дядя которого много лет преподавал на кафедре марксизма-ленинизма. Перед каждой сессией этот дядя, на всякий случай, напоминал об этом родстве экзаменаторам. Всё шло прекрасно. Прекрасно до тех пор, пока нам не пришлось сдавать экзамен этому самому дяде. К всеобщему изумлению он вклеил своему любимому родичу «пару». После этого пришёл на кафедру и совершенно убитым голосом сказал: «Кошмар! Я своему племяннику двойку поставил! Что я теперь сестре скажу? Она меня убьёт!» «А зачем Вы это сделали?» — поинтересовались коллеги. «Как зачем! — разъярился почтенный преподаватель, — Он, болван, такие глупости порол! Ни черта не

знает! Я вообще забыл, кто он такой». Не знаю, кому и как потом мой однокашник пересдал предмет, но институт он окончил своевременно.

Знание — сила

Я подумал (иногда такое случается), что частично знаю, почему, несмотря на «тапш» и прямой подкуп, из бакинских вузов выходили вполне достойные специалисты. Были у нас в гостях друзья, семья врачей. Сын, по семейной традиции студент мед. института, пришёл позже, прямо после какого-то экзамена. Сдал на «тройку». Наш друг устроил сыну страшный разнос, и тот, огорчённый, вскоре ушёл. Во время воспитательного процесса мы дипломатично молчали, но когда взрослые остались одни, не выдержали: «Ну что ты так накинулся на парня? Мы что, все всегда были отличниками?!» «Знаете, — ответил наш друг, — на вас ещё меня хватит, а вот вашу дочь уже будет лечить мой сын. Что такое «тройка»? Это когда ответ на один вопрос ты знаешь хорошо, на второй — плохо, на третий — вообще ничего. Теперь представьте: первый вопрос про сердце — прекрасно; второй про лёгкие — кое-как; третий про печень — знаний ноль. А у тебя как раз печёночные колики. Вы хотите лечиться у такого врача?». Мы решили, что не хотим, и хором сказали: «Мало ты его ругаешь!» Бывшему незадачливому студенту, а ныне хорошему врачу, уже за 60. И, надеюсь, он простил нас за то, что в тот раз шкурные интересы оказались сильнее наших гуманных чувств.

В Баку мы жили по соседству с ректором университета. Его сын, ровесник наших детей, умный, начитанный мальчик. В десятом классе он, к нашему удивлению, стал заниматься у частных учителей по ряду дисциплин. Надо сказать, что в тот период конкурсы в вузы были жесточайшие. Поэтому многие родители, даже отличников и будущих медалистов, нанимали репетиторов для более тщательной подготовки к вступительным экзаменам. Но сын ректора! Это гарантированное поступление, так сказать, по праву рождения. На наше недоумение сосед ответил довольно просто: «Я бываю на вступительных экзаменах. Вижу, какие абитуриенты к нам приходят. Не хочу, чтоб мой сын был глупее других». Не буду ничего комментировать. И так всё ясно.

Бакинский треугольник

Леонид долго ухаживал за Софьей. Но появился третий. Софья увлеклась новым поклонником, и Леонид был забыт. Роман развивался бурно, и девушка забеременела. Её возлюбленный тут же прекратил с ней всякие отношения. Брошенная Софья оказалась в тяжёлом положении. И тут пришёл Леонид. Он всё ещё любит Софью, он готов... да нет — он уже всё забыл и предлагает ей не только сердце, но и руку, а ожидаемого ребёнка всегда будет считать только своим. И была свадьба. Наверное, об этой истории никто бы никогда не узнал, кроме узкого круга, но!... Через некоторое время Софья родила тройню. А по советскому законодательству при рождении троих

детей семья получала трёхкомнатную квартиру (во времена тотальных коммуналок!) и прочие льготы. Прикинув всё это, «папаша» подал иск с требованием признать его отцовство, вернуть детей и, соответственно, положенный ему кусок пирога. Суд удовлетворил его иск... частично. Отцовство заявителя признали, в связи с чем суд приговорил его к выплате алиментов, а в остальном сохранил статус-кво. То есть дети остались с матерью и т.д. Баку ликовал. Вы скажете, что эта история для бразильского сериала. Наверное. Но решение суда веселило бакинцев и поддерживало у них веру в высшую справедливость, хотя в районем судье и не было ничего божественного.

Такой человек

Элегантный и обаятельный бакинец, назовём его Юрий, со школьный скамьи пользовался успехом у противоположного пола и сам не чурался приятных знакомств. Как-то, приехав в командировку, в московском метро разговорился со случайной попутчицей. В результате беседы оказался у неё в гостях. Слово за слово, и они уже в постели. И тут дама повернулась к стене и, чуть не плача, прерывисто заговорила театральным шепотом: «Я не могу... в этой кровати... нет... только с мужем... никогда...» Как потом рассказывал Юрий: «Мне и не очень хотелось. Но уже так получилось. Нет, так нет. Я сел и стал одеваться». Тут дама ухватила его за плечи: «Ты что?! Да ты меня не так понял. Это я просто так...» Но гордый бакинский мужчина сделал классический отрицательный жест

ладонью и добавил: «Я такой человек: носки надел — уже всё!» Те, кто знает эту историю, взяли последнюю фразу на вооружение. Согласитесь, «носки надел» — очень выразительно, что-то среднее между «вопрос закрыт» и «вожжа под хвост попала», типично по-бакински.

Бытовая история

Жил в Баку довольно известный врач С., он же не менее известный поклонник женских прелестей. Был он у своей любовницы, и тут, как в анекдоте, — «муж вернулся раньше времени»... Муж, естественно, был возмущён, а наш герой мгновенно испарился. Через несколько дней обманутый муж пришёл к новоявленному дону Жуану в клинику и сказал: «Что ты был с моей женой, у меня претензии к жене, и мы с ней разберёмся. Но ты убежал, оставил любимую женщину одну объясняться. За эти дни ни разу не поинтересовался, что с ней. Может быть я её избиваю до полусмерти, может быть зарезал? Ты — подлец! Ты не человек! Если ты через неделю ещё будешь в городе, на меня не обижайся!» И С. уехал из Баку навсегда.

Конечно, история получила огласку. Поверьте, в Баку сплетников не меньше, чем в других местах. Но в данном случае никто не говорил о виновнице конфликта, никто не посмеивался над мужем и никто не жалел его. Человек, который себя так (!) повёл, достоин только уважения. У него есть «накус» и мудрость. И только он вправе обвинить свою жену или забыть обо всём. Право только его, а не досужих болтунов.

Шутка гения

Есенин часто приезжал в Баку по приглашению своего друга, главного редактора газеты «Бакинский рабочий» П.И. Чагина. О пребывании великого поэта в Баку, о стихах, там написанных, о его мнимом путешествии в Персию можно подробно прочесть в книгах-воспоминаниях. Его «Стансы», посвящённые Чагину, везде опубликованы. Но бакинцы любят рассказывать, что Есенин написал Петру Ивановичу ещё одно стихотворение, шутливое, которое начиналось: «Чагане ты моя, Чагане».

Тайна быстрого счёта

Ресторанная история (ресторан — не ханушка!). В конце пятидесятых годов в Баку открылся новый ресторан «Дружба». По тем временам вполне шикарный: гардины, люстры, официанты в «бабочках». Ресторан сразу стал популярным и престижным. И вот в этой самой «Дружке» проходила Неделя молдавской кухни. Мы вшестером (3 пары) пришли отведать неведомые нам блюда. Читаем меню — всё незнакомое: токана, чорбо, огурчики по-тираспольски, мититеи... Кое-как выбрали. Подходит официант, совсем мальчишка, одет неряшливо. Оказывается, в связи с большим наплывом посетителей наняли бог весть откуда дополнительный персонал. Заказываем. Официант недовольно морщится: «Мититей — шмитетей не знаю! Шашлык хочешь?» Нам всё же удалось сделать нужный заказ. Всё было очень вкусно. Кончили трапезу, принесли счёт. Взглянув на него, наш приятель ска-

зал: «Пересчитай!» Официант молча уходит и через несколько минут приносит новый счёт. Та же мизансцена: «Пересчитай!». Официант, не возражая, уходит пересчитывать. И тут мы обратили внимание, что от подачи счёта до его возврата на пересчёт проходит всего несколько секунд. То есть наш приятель мгновенно производит подсчёт и замечает ошибку. Нас 6 человек, все заказывали разное, почти 20 блюд — феноменально! Даже в цирке так не бывает! «Как ты это делаешь?» — почти хором спросили мы. «Да я вообще не считаю. Я и так знаю, что он припишет!» Мы ещё смеялись, когда официант пришёл с третьим, в очередной раз уменьшенным счётом: «Извините, я ошибку сделал, копейки написал, где рубли». Напомню, что в те годы счёт писали от руки и суммировали в столбик (без помощи вычислительной техники). В третий раз возвращать счёт не стали. Вышли мы в прекрасном настроении, чему способствовали и еда, и общение с официантом.

Потому что без воды...

В моё время на перекрестке улиц 28-го апреля и л. Шмидта (теперь «28-го мая» и проспекта Бейбутова) стоял регулировщик. (К слову, часто гостей Баку удивляло, что название улицы л. Шмидта пишут с маленькой буквы, и мы с удовольствием объясняли, что «л» — не первая буква имени Шмидта, а от слова «лейтенант».) Милиционер (в Баку говорили «миликанэр») останавливал машины, которые, по его мнению, нарушили правила движения. А дальше всё шло по извест-

ному порядку. Надо было обязательно выйти из машины и сказать: «Амбарцум, извини, это в последний раз!» После этого Амбарцум говорил: «Пойдём» и оба спускались в подвал-распивочную тут же на углу. Водитель заказывал «два по сто» и тихо говорил буфетчику: «Прошу-да, налей мне воды, мне ещё за руль садиться». Платил, естественно, как за водку. После выпивки Амбарцум говорил: «Больше так не делай!», имея в виду, конечно, езду. Таких случаев было не менее десяти за день. А после работы бравый регулировщик спускался в подвал и получал свою долю «водяной» выручки. Сначала у бакинцев вызывало почти-тельное удивление умение милиционера твёрдо держаться на ногах после столь обильного возлияния. Но всё оказалось ещё интересней. Дело в том, что хитроумному Амбарцуму тоже наливали только воду. Поэтому и доход его был гораздо выше предполагаемого, да и сам оставался абсолютно трезв.

Смешно до слёз

В 50-е годы в Баку были популярны конференсье Дмитриев и Крикорян. (В то время был в моде парный конференс.) Урождённые бакинцы, они сами писали тексты своих интермедий, забавные стихи, песенки. Остроумные, артистичные, с большим человеческим и сценическим обаянием, эта пара была любима и неизменно пользовалась успехом. Позже, ко всеобщему огорчению, они уехали из города. Вернулись в Баку через год-полтора. Прошёл слух, что вернулись по инициативе Крикоряна. На первом же концерте с их уча-

ствием летний зал филармонии был полон. Встретили артистов аплодисментами. Когда зал утих, Дмитриев и Крикорян подошли к краю сцены и запели, лишь слегка перефразируя слова арии «Ай, спасибо Сулейману...» из известного фильма-оперетты «Аршин мал алан». Привожу те строчки, которые запомнил:

«Ленинград, Москва, Орёл — я полсвета обошёл,
я любовь свою нашёл...»

И, обращаясь к зрителям:

«Под собою ног не чую: своих зрителей нашёл!

Ах, вы, мои дорогие. Ах, золотые!»

И дальше:

«Веселиться не устану: счастлив я теперь вполне.

Ай, спасибо Крикоряну: он помог советом мне!

Ах, вы, мои дорогие. Ах, золотые!»

Это прозвучало очень искренне и трогательно до слёз. Зал встал. Овация была долгой и оглушительной. Всё нормально: талант всегда вызывает восторг, а талант, помноженный на любовь к Баку, ну это «вообще»...

Не могу молчать

В Баку был такой анекдот. Один идёт с базара, встречает второго, они начинают разговаривать, в какой-то момент второй замечает: «О, смотри, тебе гнилые помидоры подсунули». Первый: «Спасибо, «гнилые» сказал — вспомнил, хотел спросить, жена как?» Это я к тому, что настоящий рассказчик, у которого на языке вертится байка, всегда найдёт, как вставить её в разговор. Даже если на самом деле к теме разговора она никакого отношения не имеет.

Из семейных воспоминаний. Я с детства говорил, не переставая. Было мне девять лет, я шёл по улице с моим старшим кузеном и что-то говорил, говорил... В какой-то момент брат мне сказал: «Ты меня извини, у меня голова забита не тем и я тебя всё равно не слушаю». На что я ему искренне ответил: «А мне всё равно, слушаешь ты или нет, мне важно, чтобы я говорил».

Бакинским историям нет конца и края. Мне кажется, что все они способствуют пониманию бакинского менталитета, своеобразных взаимоотношений и дают возможность почувствовать дух города. Я привёл здесь только часть из того, что слышал. А сколько ещё интересного и мне неизвестного могут поведать другие бакинцы! У каждого свой набор историй, которые кажутся ему особенно увлекательными и поучительными. И каждый готов их рассказывать до последнего своего (или вашего) дыхания. Я, как вы могли убедиться, не исключение. И вам повезло, если моё дыхание кончилось раньше.

На самом деле, конечно, я ещё дышу. Просто застал дыхание в ожидании отзывов.

СОДЕРЖАНИЕ

Зачем	3
История с географией	7
Обстоятельства места	14
Краски, запахи и вкусы	32
Бакинцы	45
Баку сегодня	82
Приложение	87

Елена Савельевна Колмановская,
Савелий Абрамович Колмановский

Ай, Баку, джан Баку!

12+

*В тексте использованы рисунки Заура Алиева,
бакинца, художника, хорошего человека,
умершего в 1997 году в возрасте 27 лет*

Компьютерная вёрстка *Н.Ф. Бармина*
Корректор *Н.М. Склярёнок*
Оформление обложки *С.Ю. Пеников*

Подписано в печать 05.12.2016 г.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Формат 70х100/32.

Печ. л. 3,5. Уч.-изд. л. 3,4.
Тираж 117 экз. Заказ №

Издательство ИТРК
127015, Москва, ул. Новодмитровская, д. 5а, стр. 2.
Тел.: 8(915)022-10-30, тел./факс: 8(495)685-16-87
E-mail: info@itrk.org, сайт: <http://itrk.org>